

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

И. С. Тургенев

ОТЦЫ И ДЕТИ

Основное содержание

I

- Что, Петр, не видать еще? - спрашивал, выходя на низкое крылечко постоянного двора, у своего слуги барин лет сорока с небольшим, в запыленном пальто и клетчатых панталонах. Слуга посмотрел снисходительно на дорогу и ответил: «Никак нет-с, не видать».

Барин, которого звали Николай Петрович Кирсанов, вздохнул и присел на скамеечку. У него в пятнадцати верстах отсюда имение в двести душ, или, как он выражается с тех пор, как размежевался с крестьянами и завел «ферму», - в две тысячи десятин земли. Отец его, боевой генерал 1812 года, полуграмотный, грубый, всю жизнь свою тянул лямку, командовал бригадой, потом дивизией и постоянно жил в провинции. Николай Петрович родился на юге России и, как его брат Павел, воспитывался до четырнадцати лет дома в окружении дешевых гувернеров, адъютантов и прочих штабных личностей. Николай Петрович, хотя с детства не отличался храбростью и даже заслужил прозвище трусишки, должен был, подобно старшему брату Павлу, пойти по военной части; но непосредственно в день определения на службу переломил себе ногу и остался на всю жизнь «хроменьким», поэтому отец махнул на него рукой и пустил по штатской. Николай был определен в Петербургский университет. Во время учебы жил он на квартире вместе с братом Павлом, который к тому времени вышел офицером в гвардейский полк. После окончания университета Николай Петрович пережил смерть своих родителей

и, как только минул срок траура, женился на дочке бывшего хозяина своей квартиры.

Он поселился со своей Машей в деревне, где у них в скором времени родился сын Аркадий. Супруги жили хорошо и тихо: читали вместе, играли в четыре руки на фортепьяно, пели дуэты, занимались хозяйством, а Аркадий рос да рос - тоже хорошо и тихо. Смерть жены Николай Кирсанов едва вынес, он было собрался даже за границу, но задержался и после продолжительного бездействия занялся хозяйственными преобразованиями в своей деревне. В свой срок он отвез сына в университет, и вот мы видим его в мае месяце 1859 года, уже совсем седого, пухленького и немного сторбленного: он ждет Аркадия, получившего, как некогда он сам, звание кандидата.

Солнце печет; из полутемных сеней постоянного двора несет запахом теплого ржаного хлеба. Задумался наш Николай Петрович, а ухо его уже ловит стук приближающихся колес...

- Никак они едут-с, - доложил слуга.

Николай Петрович увидел тарантас, мелькнувший околыш студенческой фуражки, знакомый очерк дорогого лица...

- Аркаша! Аркаша! - закричал он и несколько мгновений спустя уже прильнул губами к безбородой, запыленной и загорелой щеке сына.

II

- Дай же отряхнуться, папаша, - говорил Аркадий, - я тебя всего испачкаю.

- Ничего, ничего, - твердил, умиленно улыбаясь, Николай Петрович, который казался встревоженным, словно потерялся немного, словно робел.

- Позволь тебя познакомиться, - сказал Аркадий, остановив отца, - мой добрый приятель, Базаров, о котором я тебе так часто писал. Он так любезен, что согласился погостить у нас.

Николай Петрович, подойдя к человеку высокого роста в длинном балахоне с кистями, только что вылезшему из тарантаса, крепко стиснул его обнаженную красную руку, которую тот не сразу ему подал.

- Душевно рад, - начал Николай Петрович, - и благодарен за доброе намерение посетить нас; надеюсь... позвольте узнать ваше имя и отчество?

Тонкие губы Базарова чуть тронулись, и он приподнял фуражку. Его темно-белокурые волосы, длинные и густые, не скрывали крупных выпуклостей просторного черепа.

- Евгений Васильев, - отвечал Базаров ленивым, но мужественным голосом. Длинное и худое его лицо, с широким лбом, кверху плоским, книзу заостренным носом, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочного цвету, оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и ум.

- Надеюсь, любезнейший Евгений Васильевич, что вы не соскучитесь у нас, - сказал старший Кирсанов и приказал подавать лошадей.

- Я здесь с коляской, но и для твоего тарантаса есть тройка, - хлопотливо говорил Николай Петрович Аркадию, - только вот коляска двухместная, и вот я не знаю, как твой приятель...

- Он в тарантасе поедет, ты с ним не церемонься. Он чудесный малый, такой простой - ты увидишь.

- Ну, поворачивайся, толстобородый! - обратился Базаров к ямщику.

- Слышь, Митюха, - сказал другой тут же стоявший ямщик, - барин-то тебя как прозвал? Толстобородый и есть.

В несколько минут пассажиры расселись по своим местам, и оба экипажа покатили.

Ш

- А что дядя? здоров? - спросил Аркадий, как только отъехали, переводя разговор с настроения взволнованного на обыденное.

- Здоров. Он хотел было выехать со мной к тебе навстречу, да раздумал.

- Пожалуйста, папаша, приласкай Базарова. Я не могу тебе выразить, до какой степени я дорожу его дружбой. Главный предмет его - естественные науки. Да он все знает. Он в будущем году хочет держать на доктора.

Несколько телег, запряженных разнузданными лошадьми, шибко катились по узкому проселку. В каждой телеге - мужики в тулупах нараспашку.

- Куда это они, Петр? - спросил Николай Петрович.

- Полагать надо, что в город. В кабак, - сообщил он презрительно.

- Хлопоты у меня большие с мужиками в нынешнем году, - сказал Николай Петрович, обращаясь к сыну. - Не платят оброка. Что ты будешь делать? Да и у наемных работников настоящего старания нету. Сбрую портят. Пахали, впрочем, ничего. Да разве тебя теперь хозяйство занимает?.. Больших перемен ты в Марьине не найдешь. Вот разве что я приказчика сменил. - Николай Петрович стал потирать лоб и брови рукою, что у него всегда служило признаком смущения. - Я считаю своим долгом предупредить тебя...

Он запнулся и продолжал уже по-французски:

- Строгий моралист найдет мою откровенность неуместною. Впрочем, ты, конечно, будешь вправе осудить меня. В мои лета... Словом, эта... девушка...

- Фенечка? - развязно спросил Аркадий. Николай Петрович покраснел.

- Помилуй, папаша, - подхватил Аркадий, - ты как будто извиняешься; как тебе не совестно.

«В чем извиняется!» - подумал сын про себя, и чувство снисходительной нежности к отцу, смешанное с ощущением превосходства, наполнило его душу.

Между тем места, по которым они проезжали, не могли назваться живописными. Поля тянулись вплоть до самого небосклона. Попадались и речки с обрытыми берегами, и крошечные пруды с худыми плотинами, и деревеньки с низкими избенками под темными, часто до половины разметанными крышами, и покривившиеся молотильные сарайчики... Мужики встречались все обтерханные, на плохих клячонках... Как нищие в лохмотьях, стояли придорожные ракиты с ободранной корой и обломанными ветвями; исхудалые, шершавые, словно обглоданные, коровы жадно щипали траву. Казалось, они только что вырвались из чьих-то грозных,

смертоносных когтей. Среди весеннего красного дня вставал белый призрак безотрадной, бесконечной зимы. «Нет, - подумал Аркадий, - небогатый край этот, не поражает он ни довольством, ни трудолюбием; нельзя, нельзя ему так остаться, преобразования необходимы... но как их исполнить, как приступить?...»

А пока Аркадий так- размышлял, весна брала свое. Все вокруг золотисто зеленело, все широко и мягко волновалось и лоснилось под тихим дыханием теплого ветерка, все - деревья, кусты и травы; повсюду нескончаемыми, звонкими струйками заливались жаворонки; чибисы то кричали, вясь над низменными лугами, то молча перебегали по кочкам; красиво чернея в нежной зелени еще низких яровых хлебов, гуляли грачи; они пропадали во ржи, уже слегка побелевшей, лишь изредка выказывались их головы в дымчатых ее волнах. Аркадий глядел, глядел, и, понемногу ослабевая, исчезали его размышления...

Четверть часа спустя экипажи остановились перед новым деревянным домом под железною крышей. Это и было Марьино, Новая слободка тож, или, по крестьянскому наименованью, Бобылий хутор.

IV

- Вот мы и дома, - промолвил Николай Петрович, когда все оказались в гостинной, убранной в новейшем вкусе.

Вошел Прокофьич, человек лет шестидесяти, беловолосый, худой и смуглый, в коричневом фраке с медными пуговицами и в розовом платочке на шее.

Аркадий собрался было пойти в свою комнату, чтобы почиститься после дороги, но в это мгновение вошел человек среднего роста, одетый в темный английский сьют, модный низенький галстух и лаковые полусапожки, - Павел Петрович Кирсанов. На вид ему было лет сорок пять: его коротко

остриженные седые волосы отливали темным блеском, как новое серебро; лицо его, желчное, но без морщин, необыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонким и легким резцом, являло следы красоты замечательной; особенно хороши были светлые, черные, продолговатые глаза. Весь облик Аркадиева дяди, изящный и породистый, сохранил юношескую стройность и то стремление вверх, прочь от земли, которое большею частью исчезает после двадцатых годов.

Павел Петрович вынул из кармана панталон свою красивую руку с длинными розовыми ногтями, казавшуюся еще красивей от снежной белизны рукавчика, застегнутого одиноким крупным опалом, и подал ее племяннику. После рукопожатия они три раза, по-русски, поцеловались, то есть дядя три раза коснулся своими душистыми усами щек племянника.

Николай Петрович представил его Базарову: Павел Петрович слегка наклонил свой гибкий стан и слегка улыбнулся, но руки не подал и даже положил ее обратно в карман.

После знакомства оба молодые человека вышли.

- Кто сей? - спросил Павел Петрович.

- Приятель Аркаши, очень, по его словам, умный человек. Он у нас погостит.

За ужином разговаривали мало. После ужина все тотчас разошлись. Аркадий и Базаров заснули скоро, но другие лица в доме долго еще не спали. Взволнованный приездом сына, Николай Петрович лежал в постели при горящей свече и думал долгие думы. Павел Петрович, держа в руках газету, пристально глядел на голубоватое пламя в камине... Бог знает, где бродили его мысли. А в маленькой задней комнатке сидела Фенечка и сквозь дрему посматривала на детскую кроватку, откуда слышалось ровное дыхание спящего ребенка.

Раньше всех проснулся Базаров. Выйдя из дома, он свел знакомство с двумя дворовыми мальчишками и отправился с ними в небольшое болотце за лягушками.

- На что тебе лягушки, барин? - спросил один из них.

- Я ее разрежу и посмотрю, что у нее внутри делается.

- Да на что тебе это?

- А чтобы не ошибиться, если ты занеможешь и мне тебя лечить придется.

- Васька, слышь, барин говорит, что мы с тобой те же лягушки. Чудно!

Между тем отец и сын Кирсановы вышли на террасу, где уже кипел самовар. Пришла дворовая девочка и тонким голосом проговорила:

- Федосья Николаевна не совсем здоровы, прийти не могут; приказали вас спросить, вам самим угодно разлить чай или прислать Дуняшу?

- Я сам разолью, сам, - поспешно сказал Николай Петрович.

Аркадий опустил глаза.

- Папаша, не оттого ли Фен... не оттого ли она не приходит сюда чай разливать, что я здесь? Напрасно ж она стыдится. Я уверен, ты не мог сделать дурной выбор; во всяком случае, сын отцу не судья.

- Спасибо, Аркаша, - глухо проговорил Николай Петрович.

- В таком случае я сам пойду к ней, - воскликнул Аркадий и вскочил со стула.

- Аркадий, - начал Николай Петрович, - я тебя не предупредил...

Но Аркадий уже не слушал его и убежал с террасы. Николай Петрович в смущении опустился на стул. Сердце его забило. Через некоторое время слышались торопливые шаги, Аркадий вернулся.

- Мы познакомились, отец! - воскликнул он. - Федосья Николаевна точно не совсем здорова и придет позже. Но как же ты не сказал мне, что у меня есть брат? Я сейчас расцеловал его.

Николай Петрович хотел что-то вымолвить... Аркадий бросился ему на шею.

- Что это? опять обнимаетесь? - раздался сзади них голос Павла Петровича.

Отец и сын одинаково обрадовались возможности выхода из создавшегося положения.

- Где же новый твой приятель? - спросил дядя. - И, собственно, что он такое?

- Он нигилист.

- Нигилист, - проговорил Николай Петрович. - Это в переводе с латинского означает человека, который... ничего не признает.

- Скажи: который ничего не уважает, - подхватил Павел Петрович.

- Нигилист ко всему относится с критической точки зрения, - заметил Аркадий.

- Да. Прежде были гегелисты, а теперь нигилисты. Посмотрим, как вы будете существовать в пустоте, в безвоздушном пространстве.

Пришла Фенечка, она принесла большую чашку какао и поставила ее перед Павлом Петровичем. На террасе несколько мгновений царило молчание. Вдруг Павел Петрович поднял голову.

- Вот и господин нигилист к нам жалуется, - промолвил он вполголоса.

Базаров приблизился к террасе:

- Здравствуйте, господа; извините, что опоздал к чаю, сейчас вернусь; надо вот этих пленниц к месту пристроить, - указал он на лягушек.

VI

Базаров вернулся, сел за стол и начал пить чай.

- Вы далеко отсюда ходили? - спросил Николай Петрович.

- Тут у вас болотце есть, там я видел бекасов. Аркадий, ты можешь на них поохотиться.

- А вы не охотник?

- Нет.

- Вы, собственно, физикой занимаетесь? - спросил в свою очередь Павел Петрович.

- Физикой и вообще ^естественными науками, в этом немцы наши учителя. Тамошние ученые дельный народ.

- Ну, а об русских ученых, вы, вероятно, не имеете столь лестного понятия?

- Пожалуй, что так.

Павел Петрович выпрямил стан и, закинув голову назад, промолвил:

- Аркадий Николаич сейчас нам сказывал, что вы не признаете никаких авторитетов. А как же немцы? Они все дело говорят?

- Не все, - ответил с коротким зевком Базаров.

- Я немцев, грешный человек, не жалую. Еще прежние туда-сюда; ну там Шиллер, что ли, Гете... А теперь пошли все какие-то химики да материалисты...

- Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта, - перебил Базаров.

- Вы, стало быть, искусства не признаете? Верите в одну науку? Хорошо-с. Ну а насчет других, в людском быту принятых, постановлений вы придерживаетесь такого же отрицательного направления?

- Что это, допрос? - спросил Базаров. Павел Петрович побледнел.

Вмешавшийся в разговор Николай Петрович сначала попросил Базарова помочь ему разобраться в одном агрономическом вопросе, а затем под благовидным предлогом увел Павла Петровича.

Когда приятели остались одни, Аркадий сказал:

- Послушай, Евгений, ты уж слишком резко обошелся с дядей, ты его оскорбил. Он этого не заслуживает. Я расскажу тебе его историю.

VII

Павел Петрович Кирсанов воспитывался сперва дома, потом в пажеском корпусе. Он отличался замечательной красотой, был самоуверен, немного насмешлив и как-то забавно желчен - в светском обществе он пользовался огромным успехом. Павел Петрович ни одного вечера не проводил дома, славился смелостью и ловкостью (он ввел было гимнастику в моду между светской молодежью) и прочел всего пять-шесть французских книг. На двадцать восьмом году от роду он был уже капитаном. Вдруг все изменилось.

В то время в петербургском свете изредка появлялась женщина, княгиня Р. Она внезапно уезжала за границу, внезапно возвращалась. Она слыла за легкомысленную кокетку, с увлечением предавалась всякого рода удовольствиям, а по ночам плакала и молилась. День настаивал, и она снова превращалась в светскую даму.

Павел Петрович встретил ее на одном балу, протанцевал с ней мазурку и влюбился страстно. Привыкший к победам, он и тут скоро достиг своей цели; но легкость торжества не охладила его. Напротив: он еще мучительнее, еще крепче привязался к этой женщине, в которой даже тогда, когда она отдавалась безвозвратно, все еще как будто оставалось что-то заветное и недоступное, куда никто не мог проникнуть. Чтобы подчеркнуть ее загадочность, Павел Петрович однажды подарил ей кольцо с вырезанным на камне сфинксом. Тяжело было ему, когда она его любила; но когда она охладела к нему, он чуть с ума не сошел. Он терзался и ревновал, таскался за ней повсюду, он надоел ей, и она уехала за границу. Выйдя в отставку, несмотря на блестящие перспективы по службе, он четыре года провел в чужих краях, гоняясь за нею. Она стала избегать Кирсанова. Он вернулся в Россию, но так и не смог попасть в прежнюю колею. Хотя он еще выезжал, сидел по вечерам в клубе, но ничего не предпринимал. Десять лет прошло таким образом, бесцветно, бесплодно и быстро. Однажды за обедом, в клубе, узнав о смерти княгини Р., он долго бродил по комнатам, но не вернулся домой раньше обычного. Потеряв свое прошедшее, он все потерял.

Переехав в Марьино, он не изменил своим привычкам. Читал все больше по-английски, редко виделся с соседями, выезжал только на выборы, пугая помещиков старого покроя либеральными выходками и не сближаясь с представителями нового поколения. Его считали гордецом, уважали за аристократические манеры, за слухи о победах, за то, что он прекрасно одевался и останавливался в лучшем номере лучшей гостиницы. Он возил с собой серебряный несессер и походную ванну, от него пахло «благородными» духами, он мастерски играл в вист и всегда проигрывал. Его уважали за безукоризненную честность. Дамы находили его очаровательным меланхоликом.

- Вот видишь ли, Евгений, - промолвил Аркадий, оканчивая свой рассказ, - как несправедливо ты судишь о дяде. Да если еще учесть его воспитание, время, в которое он жил...

- Воспитание? - подхватил Базаров. - Всякий человек сам себя воспитать должен. А что касается до времени - отчего я от него зависеть буду? Пускай же лучше оно зависит от меня. Нет, брат, это все распушенность, пустота. Пойдем лучше ко мне смотреть, какого жука я поймал. - И приятели отправились в комнату Базарова, в которой уже установился медицинский запах, смешанный с запахом дешевого табаку.

VIII

Павел Петрович недолго присутствовал при разговоре брата с управляющим. Недавно заведенное на новый лад хозяйство скрипело, как немазаное колесо. Выйдя из кабинета, он пошел по коридору. Поравнявшись с низенькой дверью, постоял в раздумье и постучал в нее.

- Кто там? Войдите, - раздался голос Фенечки.

- Это я, - проговорил он и открыл дверь. Фенечка смутилась и вскочила со стула, на котором сидела с ребенком на руках.

- Извините, если я помешал, - начал Павел Петрович, не глядя на нее, - сегодня, кажется, в город посылают... велите купить для меня зеленого чаю.

- Слушаю-с, - сказала Фенечка.

Осмотрев комнату и поговорив о том о сем, Павел Петрович попросил показать ему ребенка. Фенечка вышла в соседнюю комнату, чтобы переодеть Митю. Павел Петрович остался один и на этот раз с особенным вниманием оглянулся кругом. Небольшая комната была чиста и уютна. Пахло ромашкой и мелиссой. Перед темным образом Николая-чудотворца горела лампадка. На окнах стояли банки с вареньем. Под потолком качалась клетка с чижом; он

беспреданно чирикал и прыгал. Над комодом висели довольно плохие фотографии.

Через несколько минут дверь отворилась и вошла Фенечка с Митей на руках. Митя был одет в красную рубашечку с галуном на вороте, волосики его были причесаны, лицо утерто; он дышал тяжело и подергивал ручонками, выражение удовольствия отражалось на всей его пухлой фигурке. Фенечка и свои волосы привела в порядок, и косынку одела получше, но она могла бы остаться, как была. И в самом деле, есть ли на свете что-нибудь пленительнее молодой красивой матери с здоровым ребенком на руках?

- Экой бутуз, - проговорил Павел Петрович и пощекотал подбородок Мити концом длинного ногтя на указательном пальце, Митя засмеялся.

- Сколько бишь ему месяцев? - спросил Павел Петрович.

- Шесть месяцев; скоро вот седьмой пойдет.

- Он похож на брата, - заметил Павел Петрович. - Да, несомненное сходство.

- Он внимательно, почти печально посмотрел на Фенечку.

- А! Павел! вот где ты! - раздался вдруг голос Николая Петровича.

Павел Петрович торопливо оглянулся и нахмурился.

- Славный у тебя мальчуган, - промолвил он и, приняв равнодушное выражение, вышел.

Фенечка была дочерью хозяйки постоялого двора в отдаленном уезде, где однажды пришлось ночевать Николаю Петровичу. Его поразила чистота и порядок, царившие в доме. А так как проезжающих было мало и хозяйка терпела убытки, то она согласилась поступить на службу к Николаю Петровичу экономкой в новый дом. Муж у Арины Савишны (так звали хозяйку) давно умер, оставив ей одну дочь, Фенечку. Когда Арина умерла от холеры, Фенечка унаследовала ее обязанности по дому. Она была так молода, так одинока; Николай Петрович был такой добрый и скромный... Остальное досказывать нечего...

Отец взял на руки Митю и стал его подбрасывать под самый потолок, к великому удовольствию малютки и к немалому беспокойству матери.

А Павел Петрович вернулся в свой изящный кабинет. Он бросился на диван, заложил руки за голову и остался неподвижен, почти с отчаянием глядя в потолок.

IX

В тот же день Базаров познакомился с Фенечкой. Он вместе с Аркадием ходил по саду и толковал ему о том, почему одни деревья принялись, а другие нет. Проходя мимо беседки, они увидели в ней Фенечку с Дуняшей и Митей.

- Кто это? - спросил Базаров.

Аркадий, не без замешательства, объяснил ему в коротких словах, кто была Фенечка. Базаров решил познакомиться. Приблизясь, он скинул картуз.

- Позвольте представиться, - начал он с вежливым поклоном, - Аркадию Николаевичу приятель и человек смирный.

Фенечка приподнялась со скамейки и смотрела на него молча.

- Какой ребенок чудесный! - продолжал Базаров. - Не беспокойтесь, я еще никого не сглазил. Что это он такой красный? Зубки, что ли, прорезаются?

Он взял на руки ребенка, который не испугался и пошел к нему.

- Ничего, все в порядке. Я доктор, если что случится, скажите мне. А сами вы здоровы?

- Здорова, слава богу. Базаров передал ей ребенка.

- Как он у вас тихо сидел, - промолвила она вполголоса. - Он к иному ни за что не пойдет.

- А ко мне пойдет? - спросил Аркадий. Он поманил к себе Митю, но тот откинул голову назад и запищал, что очень смутило Фенечку.

- В другой раз, когда привыкнуть успеет, - промолвил Аркадий, и приятели удалились.

- Видел я все заведение твоего отца, - начал Базаров. - Скот плохой, и лошади разбитые. Работники смотрят отъявленными ленивцами; управляющий либо дурак, либо плут.

- Ты решительно дурного мнения о русских.

- Эка важность. Русский человек тем и хорош, что сам о себе дурного мнения. Важно то, что дважды два четыре, а остальное все пустяки.

- И природа пустяки? - проговорил Аркадий, задумчиво глядя вдаль.

- И природа пустяки в том значении, в каком ты ее понимаешь. Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник.

Медлительные звуки виолончели долетели до них из дома. Сладостная мелодия Шуберта медом разливалась по воздуху.

- Кто это играет? - спросил Базаров.

- Это отец.

Базаров начал хохотать, но Аркадий на этот раз даже не улыбнулся.

Прошло около двух недель. Все в доме привыкли к Базарову. Фенечка до того с ним освоилась, что однажды ночью велела разбудить его, когда Мите сделалось плохо. Слуги, кроме Прокофьяча, привязались к нему. Дуняша охотно с ним хихикала. Николай Петрович побаивался молодого «нигилиста». Зато Павел Петрович всеми силами души своей возненавидел его.

Наступили первые дни июня. Погода стояла прекрасная. Базаров отправлялся версты за две, за три собирать травы, насекомых. Иногда он брал с собой Аркадия. Однажды, когда они возвращались домой, Николай Петрович услышал их разговор.

- Твой отец добрый малый, - промолвил Базаров, - но он человек отставной, его песенка спета. Я видел, он Пушкина читает. Растолкуй ему, что это никуда не годится. Дай ему что-нибудь дельное почитать, хотя бы «Материя и сила».

Николай Петрович, рассказав брату об услышанном, заметил со вздохом:

- Да, видно, пора гроб заказывать и ручки складывать на груди.

- Ну, я так скоро не сдамся, - пробормотал его брат. - У нас еще будет схватка с этим лекарем, я это предчувствую.

Схватка произошла в тот же день за вечерним чаем. Когда речь зашла об одном соседнем помещике, Базаров, знакомый с ним ранее, заметил: «Дряннь, аристократишко».

У Павла Петровича задрожали губы.

- По-вашему, слова «дрянь» и «аристократ» одно и то же означают? Смею сказать, меня все знают за человека либерального и любящего прогресс; но я уважаю аристократов - настоящих. Аристократия дала свободу Англии... Без чувства собственного достоинства, а в аристократе это чувство развито, - нет никакого прочного основания общественному зданию.

- Позвольте, Павел Петрович, - промолвил Базаров, - вы уважаете себя и сидите сложа руки; какая от этого польза общественному благу?

- Это совершенно другой вопрос. Аристократизм - принцип, а без принципов могут жить только безнравственные и пустые люди.

- Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы, - говорил Базаров, - иностранные слова. Русскому человеку они даром не нужны.

- Но логика истории требует...

- Мы обходимся без логики. Вы не нуждаетесь в логике для того, чтобы положить себе в рот кусок хлеба, когда голодны.

Павел Петрович взмахнул руками:

- Вы оскорбляете русский народ! Как можно не признавать принципов, правил! В силу чего же вы действуете?

- Мы действуем в силу того, что признаем полезным, - промолвил Базаров. - Сегодня полезно отрицание - мы отрицаем.

- Все?

- Все.

- Как? Не только искусство, поэзию... но и... страшно вымолвить...

- Все, - с невыразимым спокойствием повторил Базаров.

Павел Петрович уставился на него, а Аркадий даже покраснел от удовольствия.

- Однако позвольте, - заговорил Николай Петрович. - Вы все отрицаете, то есть разрушаете... да ведь надобно строить.

- Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить.

- Но русский человек патриархальный, он не может жить без веры...

- Я не стану против этого спорить, - перебил Базаров. - Но это ничего не доказывает.

- Как? - изумился Павел Петрович. - Стало быть, вы идете против своего народа?

- А хоть бы и так, - воскликнул Базаров, - народ невежествен. Да притом я сам - русский.

- Я вас за русского признать не могу.

- Мой дед землю пахал, - с надменной гордостью отвечал Базаров.

- Но вы-то что делаете?

- Мы догадались, что болтать о наших язвах не стоит труда. Наши умники-обличители никуда не годятся. Разговоры об искусстве, творчестве, парламентаризме, адвокатуре и черт знает о чем бессмысленны, когда дело идет о хлебе насущном.

- И решились ни за что не приниматься, - заметил Павел Петрович, - а только ругаться? А что вы собираетесь делать? Ломать? Но как же ломать, не зная даже почему?

- Мы ломаем потому, что мы сила, - заметил Аркадий.

- Но миллионы не позволят попирать свои священные верования, вас раздавят.

- Нас не так мало, как полагаете. Да и от копеечной свечи Москва сгорела, - ответил Базаров.

- Вот чем увлекается молодежь, вот чему покоряются неопытные сердца мальчишек! Наши художники пишут скверно, Рафаэля не признают.

- По-моему, - возразил Базаров, - Рафаэль гроша медного не стоит, да и они не лучше его.

- И в самом деле, прежде они просто были болваны, а теперь они вдруг стали нигилисты.

- Вот и изменило вам хваленое чувство собственного достоинства, - флегматично заметил Базаров.

XI

Полчаса спустя Николай Петрович отправился в сад, в свою любимую беседку. На него нашли грустные думы. Он был под впечатлением только что закончившегося спора. Отложив всякое самолюбие, Николай Петрович

осознавал, что он с братом все-таки ближе к истине, чем их молодые оппоненты. «Отвергать поэзию? - думал он. Не сочувствовать художеству, природе?..» И он посмотрел кругом. Уже вечерело; солнце скрылось за небольшую осиновую рощу, тень от нее без конца тянулась через неподвижные поля. Мужичок ехал рысцой на белой лошадке по темной узкой дорожке вдоль самой рощи. Солнечные лучи, с своей стороны, забирались в рощу и, пробиваясь сквозь чащу, обливали стволы осин таким теплым светом, что они становились похожи на стволы сосен, а листва их почти синела, и над нею поднималось бледно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей. «Как хорошо, боже мой!» - подумал Николай Петрович. И вспомнилась ему его покойница жена. Вспомнил, как увидел ее первый раз. А потом робкие посещения, полуслова, полуулыбки, и недоумение, и грусть, и порывы, и, наконец, эта задыхающаяся радость... Куда все это умчалось? Отчего бы не жить вечно этим сладостным первым мгновеньям?

- Николай Петрович, - раздался вблизи голос Фенечки, - где вы?

Этот голос напомнил ему его седые волосы, его старость, его настоящее...

- Я здесь, - отвечал он, - я приду, ступай. - Фенечка молча ушла. А он еще долго ходил по саду. У него, у сорокачетырехлетнего человека, агронома и хозяина, наворачивались слезы, беспричинные слезы.

В ту же ночь Базаров и Аркадий договорились поехать в город, где находился с инспекцией дальний родственник Кирсановых Матвей Ильич Колязин. Матвей Ильич приглашал Павла Петровича и Николая Петровича, но те не собирались ехать. А молодежь решила воспользоваться этим приглашением.

Город, куда отправились наши приятели, состоял в ведении губернатора из молодых, прогрессиста и деспота. Он в течение первого года перессорился со всеми губернскими чиновниками. Это дошло до Петербурга, и министерство послало Колязина с поручением разобраться все на месте. Матвей Ильич был ловкий придворный, большой хитрец, и больше ничего. Он с добродушием принял Аркадия и посоветовал ему съездить с визитом к губернатору, который послезавтра дает бал. После непродолжительной беседы Аркадий удалился, воспользовавшись тем, что доложили о приезде председателя казенной палаты, который чрезвычайно любил природу, особенно в летний день, когда, по его словам, «каждая пчел очка с каждого цветочка берет взяточку».

К губернатору молодые люди пошли вместе. Результатом их визита было приглашение на бал.

Они шли к себе домой от губернатора, как вдруг из проезжающих мимо дрожек выскочил человек небольшого роста, в славянофильской венгерке, и с криком: «Евгений Васильч!» - бросился к Базарову.

- А! это вы, герр Ситников, - проговорил Базаров, продолжая шагать, - какими судьбами?

- Вообразите, совсем случайно, по делам отца.

Базаров, не останавливаясь, представил Сит-никова Кирсанову, при этом Ситников назвался старинным знакомым Базарова и его учеником.

- Кстати, Евгений Васильевич, вам непременно надо сходить к одной даме, которая совершенно в состоянии понять вас.

- Кто такая? - произнес нехотя Базаров.

- Кукшина, Евдокия Кукшина. Передовая женщина, эмансипе в истинном смысле слова. Там и позавтракаем. Это близко.

- Хорошенькая она? - перебил Базаров.

- Н... нет, этого сказать нельзя, - начал Ситников, - она чудный человек. Пойдемте, господа, будет шампанское.

ХШ

Авдотья Никитишна (или Евдокия) Кукшина жила в небольшом дворянском домике на московский манер. Молодых людей пригласили в комнату, которая походила более на рабочий кабинет, чем на гостиную. Бумаги, письма, журналы, большей частью неразрезанные, валялись по запыленным столам; везде были разбросаны окурки папирос. На кожаном диване полулежала дама, еще молодая, белокурая, несколько растрепанная, в шелковом, не совсем опрятном, платье, с крупными браслетами на коротеньких руках и кружевной косынкою на голове. Она встала с дивана и, натягивая на плечи шубку на пожелтевшем горностаевом меху, пожала Ситникову руку.

- Базаров, Кирсанов, - проговорил он отрывисто, в подражание Базарову.

- Милости просим, - отвечала Кукшина и уставила на Базарова свои круглые глаза, между которыми сиротливо краснел вздернутый носик.

Базаров поморщился. В маленькой и невзрачной фигурке не было ничего безобразного; но выражение ее лица неприятно действовало на зрителя.

- Я знаю вас, Базаров, - сказала она. - Хотите сигару?

- Сигарку сигаркой, - подхватил Ситников, - а дайте-ка нам позавтракать да велите воздвигнуть бутылочку шампанского.

Евдоксия свернула папироску своими побуревшими от табаку пальцами, провела по ней языком, пососала ее и закурила. Появилось шампанское.

- Ситников, откупорьте бутылку.

- Есть здесь хорошенькие женщины? - спросил Базаров, допивая третью рюмку.

- Есть, - отвечала Евдоксия, - да все они такие пустые. Например, Одинцова - недурна. Но никакой свободы воззрения, никакой ширины, ничего... этого. Наши женщины очень дурно воспитаны.

- Ничего вы с ними не сделаете, - подхватил Ситников. - Их следует презирать, и я их презираю, вполне и совершенно! Ни одна из них не в состоянии понять нашу беседу.

- Да им совсем это не нужно, - промолвил Базаров.

Завтрак продолжался долго. За первую бутылкой шампанского последовала другая, третья и даже четвертая... Евдоксия болтала без умолку; Ситников ей вторил. Дело дошло наконец до того, что Евдоксия, вся красная от выпитого вина, стуча плоскими ногтями по клавишам расстроенного фортепьяно, принялась петь сиплым голосом.

Аркадий не вытерпел. «Господа, уж это на Бедлам похоже стало», - заметил он.

Базаров, который почти не принимал участия в разговоре, а больше занимался шампанским, встал и, не прощаясь с хозяйкой, вышел вместе с Аркадием. Ситников выскочил вслед за ними.

XIV

Несколько дней спустя состоялся бал у губернатора. Народу было пропасть, и в кавалерах не было недостатка; штатские более теснились вдоль стен, но военные танцевали усердно. «Героем праздника» был Матвей Ильич. Ему подчеркнута оказывались знаки уважения. Сам он был мягок и величав. Он похлопал по спине Аркадия и назвал его «племянничком», приветливо, но неразборчиво промычал что-то Базарову, подал палец Ситникову и улыбнулся ему, даже Кукшиной, явившейся на бал в грязных перчатках, но с райской птицей в волосах, сказал: «очарован».

Внимание Аркадия привлекла женщина высокого роста в черном платье. Она поразила его достоинством своей осанки. Обнаженные ее руки красиво лежали вдоль стройного стана; красиво падали с блестящих волос на покатые плечи легкие ветки фуксий; спокойно и умно, именно спокойно, а не задумчиво, глядели светлые глаза из-под немного нависшего белого лба, и губы улыбались едва заметною улыбкою. Какою-то ласковой и мягкой силой веяло от ее лица.

Это была Одинцова. Базаров тоже обратил на нее внимание.

- Это что за фигура? - проговорил он. - На остальных баб не похожа.

Аркадий изъявил желание с ней познакомиться, и Ситников подвел его к Одинцовой и представил. Она была немного старше Аркадия, ей пошел двадцать девятый год. Аркадий сначала ощущал некоторую робость при общении с ней, но спокойствие Одинцовой сообщило ему, и через четверть часа он непринужденно болтал, глядя в ее глаза, в ее прекрасный лоб, во все ее милое, важное и умное лицо. Разговор прерывался, только когда даму приглашали танцевать. Мазурку она танцевала с Аркадием.

- С кем это вы стояли перед тем, как Ситников подвел вас ко мне? - спросила она.

Аркадий начал говорить о «своем приятеле» с восторгом и подробно. Одинцова пригласила Аркадия посетить ее и привезти с собой приятеля.

XV

- Посмотрим, к какому разряду млекопитающих принадлежит сия особа, - говорил на следующий день Аркадию Базаров, когда они вошли в гостиницу, где остановилась Одинцова.

Анна Сергеевна Одинцова была дочерью известного красавца, афериста и игрока, который, продержавшись и прошумев лет пятнадцать в Петербурге и Москве, кончил тем, что проигрался в прах, поселился в деревне и скоро умер, оставив крошечное состояние двум дочерям: Анне - двадцати и Катерине - двенадцати лет. Мать скончалась еще раньше.

За Анну Сергеевну посватался очень богатый человек лет сорока шести, некто Одинцов. Она от безысходности согласилась быть его женой, - а он пожил с ней лет шесть и умер, оставив ей свое состояние. Одинцова после смерти мужа сначала не выезжала из деревни, а потом съездила с сестрой в Германию и, вернувшись, поселилась в своем любезном Никольском,

отстоявшем верстах в сорока от города. В губернии ее не любили и рассказывали про нее ужасные небылицы.

Одинцова приняла приятелей в простом утреннем платье. Аркадий представил ей Базарова и с тайным удивлением заметил, что тот как будто сконфузился. Освоившись, Базаров говорил много и явно старался занять собеседницу. Оказалось, что Одинцова прочла несколько хороших книг и выражалась правильным русским языком. Она навела речь на музыку, но, заметив, что Базаров не признает искусства, потихоньку возвратилась к ботанике. С Аркадием Анна Сергеевна общалась как с младшим братом: казалось, она ценила в нем доброту и простодушие молодости - и только.

Часа три с лишком длилась беседа, неторопливая, разнообразная и живая. Когда приятели стали прощаться, Анна Сергеевна проговорила:

- Если вы, господа, не боитесь скуки, приезжайте ко мне в Никольское.

Аркадий выразил горячую благодарность за приглашение, а Базаров только поклонился.

- Ну? - говорил Аркадий Базарову на улице. - Какого ты мнения о ней?

- В переделе была, братец ты мой, нашего хлеба покушала.

- А все-таки она прелесть, - промолвил Аркадий.

- Этакое богатое тело! - продолжал Базаров. - Хоть сейчас в анатомический театр.

Три дня спустя приятели катили по дороге в Никольское.

- Поздравь меня, - воскликнул вдруг Базаров, - сегодня двадцать второе июня, день моего ангела. Посмотрим, как-то он обо мне печется. Сегодня меня дома ждут, - прибавил он, понизив голос...

XVI

Усадьба Анны Сергеевны стояла на пологом открытом холме недалеко от церкви. За церковью виднелось село с кое-где мелькавшими трубами над соломенными крышами.

Полчаса спустя после приезда гости уже были в просторной, высокой гостиной, убранной довольно роскошно, но без особенного вкуса.

Вошла хозяйка. На ней было легкое платье; гладко зачесанные за уши волосы придавали девическое выражение ее чистому и свежему лицу.

- Благодарствуйте, что сдержали слово, - сказала она и пригласила всех присесть.

Через некоторое время в комнату вбежала красивая борзая собака, а вслед за нею вошла девушка лет восемнадцати, черноволосая и смуглая, с несколько круглым, но приятным лицом, с небольшими темными глазами. Она держала в руках корзину цветов.

- Вот вам и моя Катя, - проговорила Одинцова, указав на нее движением головы.

Катя слегка присела, потом поместилась возле сестры и принялась разбирать цветы. У нее была очень милая улыбка, застенчивая и откровенная, и глядела она как-то забавно-сурово, снизу вверх. Все в ней было еще молодо-зелено: и голос, и пушок на всем лице, и розовые ручки с беловатыми кружками на ладонях, и чуть-чуть сжатые плечи... Она беспрестанно краснела и быстро переводила дух.

Базаров в это время рассматривал виды Саксонской Швейцарии в альбоме. Одинцова обратилась к нему:

- Вы из приличия рассматриваете картинки, вас это не занимает.

- Эти виды заинтересовали меня с точки зрения геологической.

- Если в вас нет ни капельки художественного смысла, как вы без него обходитесь?

- А на что он нужен, позвольте спросить?

- Чтоб уметь узнавать и изучать людей. Базаров усмехнулся.

- Люди, что деревья в лесу; ни один ботаник не станет заниматься каждой отдельной березой.

- Стало быть, по-вашему, нет разницы между глупым и умным человеком, между добрым и злым?

- Нет, есть: как между больным и здоровым. Мы приблизительно знаем, отчего происходят телесные недуги, а нравственные от безобразного состояния общества. Исправьте общество, и болезней не будет.

- Вы полагаете, - промолвила Анна Сергеевна, - что, когда общество исправится, уже не будет ни глупых, ни злых людей?

- Тогда обществу это будет совершенно все равно.

После чая играли в карты, а Катя очень хорошо, хотя немного строго и сухо играла на фортепьяно Моцарта.

За ужином Анна Сергеевна завела речь о ботанике.

- Пойдемте гулять завтра поутру, - сказала она Базарову, - я хочу узнать от вас латинские названия полевых растений.

Анна Сергеевна была довольно странное существо. Без предрассудков, без сильных верований она ни перед чем не отступала и никуда не шла. Многое ее занимало, и ничто не удовлетворяло. Ее ум был пытлив и равнодушен в одно и то же время. Не будь она богата и независима, она, может быть, бросилась бы в битву, узнала страсть... Иногда воображение ее уносилось далеко, но и тогда кровь ее по-прежнему тихо катилась по жилам. Бывало, душа ее наполнится смелостью, закипит благородством, но это ненадолго.

На следующее утро после завтрака они отправились ботанизировать и возвратились перед самым обедом. Аркадий провел время с Катей. Ему уже не было скучно с нею. Но когда он наконец снова увидел Одинцову, сердце его сжалось. Она шла по саду несколько усталой походкой; щеки ее алели, и глаза светились ярче обыкновенного. Базаров шел сзади самоуверенно и небрежно, как всегда, но выражение его лица не понравилось Аркадию.

«Здравствуй!» - сказал Базаров, проходя мимо. «Здравствуй, - подумал Аркадий... - Разве мы не виделись сегодня?»

XVII

Аркадий и Базаров не заметили, как провели дней пятнадцать у Одинцовой. Этому способствовал порядок, который она завела в доме и в жизни. Все в течение дня совершалось в известную пору. Аркадий, решивший, что он влюблен в Одинцову, предавался тихому унынию. Катя не мешала ему грустить. Аркадию было хорошо с ней. Катя обожала природу, и Аркадий ее любил, хотя не смел признаться в этом. Базаров стал меньше разговаривать со своим приятелем, он как будто избегал, как будто стыдился его... Между тем Базарова мучило и бесило чувство, которое возникло у него к Одинцовой. Он был великий охотник до женской красоты, но любовь в смысле идеальном называл белибердой, дурью. И вот теперь кровь его загоралась, как только он вспоминал о ней. Одинцова не осталась к Базарову равнодушной. Однажды он, гуляя с ней по саду, внезапно промолвил угрюмым голосом, что намерен скоро уехать к родителям... Она побледнела. Вечером того же дня, когда они сидели в кабинете, Одинцова сказала:

- Как же это вы ехать собираетесь, а обещание ваше? Вы забыли? Вы хотели дать мне несколько уроков химии.

- Что делать-с! Меня ждут. Нельзя мне больше мешкать. А вы можете прочесть книгу по химии.

- Может, вы думаете, что об вас здесь жалеть не будут?

- Во всяком случае, долго вы скучать не будете. Вы сами говорили, что скучаете тогда, когда ваш порядок нарушается.

- Вы решительно не хотите верить, что я способна увлекаться? Вы считаете меня спокойным, изнеженным, избалованным существом, - говорила она, не спуская глаз с окна. - А я так знаю о себе, что я очень несчастлива.

- Вы здоровы, независимы, богаты. Чего же вы хотите?

- Чего я хочу, - сказала Одинцова и вздохнула. - Я очень устала. Позади меня уже так много воспоминаний, а вспомнить нечего, и впереди длинная дорога, а цели нет... Мне и не хочется идти.

Звуки фортепьяно долетели из гостиной.

- Что это Катя так поздно играет, - заметила Одинцова.

- Да, теперь поздно, вам пора почивать, - сказал Базаров, собираясь идти.

- Погодите, куда же вы спешите... мне нужно сказать вам одно слово.

- Какое?

- Погодите, - шепнула Одинцова.

Ее глаза остановились на Базарове; казалось, она внимательно его рассматривала. Он прошелся по комнате, потом вдруг приблизился к ней, торопливо сказал «прощайте», стиснул ей руку и вышел вон. Она сделала движение, точно хотела его вернуть... В это мгновение вошла горничная.

На следующий день после утреннего чая Анна Сергеевна обратилась к Базарову:

- Евгений Васильевич, пойдите ко мне... Я хочу вас спросить...

- Як вашим услугам, - сказал Базаров, когда они вошли в кабинет. - Но о чем, бишь, беседовали мы вчера с вами?

- О счастья. Но в самом деле, я желала бы знать, о чем вы думаете? Кто вы?

- Вы меня удивляете, Анна Сергеевна. Вы знаете, что я занимаюсь естественными науками, что я будущий уездный лекарь.

- Как хотите, - сказала Одинцова, - вы не хотите говорить, но в вас что-то происходит... Мне кажется, мы встретились недаром. Я уверена, что ваша сдержанность исчезнет наконец.

- А вы заметили во мне сдержанность?

-Да.

- И вы желали бы знать причину этой сдержанности?

-Да.

- Так знайте же, что я люблю вас, глупо, безумно... Вот чего вы добились.

Одинцова протянула вперед обе руки, а Базаров уперся лбом в стекло окна. Он задышался; все тело его, видимо, трепетало. Но это было не трепетание юношеской робости, не сладкий ужас первого признания овладел им; это страсть в нем билась, сильная и тяжелая - страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей... Одинцовой стало страшно и жалко его.

- Евгений Васильевич, - проговорила она, и невольная нежность зазвенела в ее голосе.

Он быстро, схватив ее за обе руки, внезапно привлек ее к себе на грудь. Она не тотчас освободилась из его объятий; но мгновение спустя уже стояла в углу и глядела оттуда на Базарова.

- Вы меня не поняли, - прошептала она с торопливым испугом. Базаров закусил губу и вышел.

«Нет, - решила она наконец, - бог знает, куда бы это повело, этим нельзя шутить, спокойствие все-таки лучше всего на свете». Она поняла, что заставила себя дойти до известной черты, заставила заглянуть за нее - и увидела за ней даже не бездну, а пустоту... или безобразие.

XIX

После обеда, прошедшего, впрочем, довольно благополучно, Базаров приблизился к Анне Сергеевне и глухо промолвил:

- Я должен извиниться перед вами. Вы не можете не гневаться на меня.

- Нет, я на вас не сержусь, но я огорчена.

- Тем хуже. Завтра меня здесь не будет. Рано или поздно это должно было случиться. Ведь вы, извините мою дерзость, не любите меня и не полюбите никогда.

Анна Сергеевна не отвечала ему. «Я боюсь этого человека», - мелькнуло у нее в голове.

Из затруднительного положения вывел ее приезд Ситникова. С его приездом все стало как-то тупее и проще; все даже поужинали плотней и разошлись спать получасом раньше обыкновенного.

- Я завтра к батьке уезжаю, - сказал Базаров Аркадию, когда они оказались в своей комнате.

«Что-то у них произошло, - думал Аркадий, - зачем же я буду торчать перед нею...»

- Я завтра с тобой уеду тоже.

Наутро, узнав, что приятели уезжают, с ними засобирался и Ситников.

Гости уехали после завтрака. Прощаясь с Базаровым, Одинцова протянула ему руку и сказала:

- Мы еще увидимся, не правда ли?

- Как прикажете, - ответил Базаров.

- В таком случае мы увидимся.

Доехав до постоялого двора, компания разделилась. Ситников направился в город, а Кирсанов с Базаровым в его деревеньку.

Предшествующую ночь Базаров не спал и почти ничего не ел уже несколько дней. Сумрачно и резко выдавался его исхудалый профиль из-под нахлобученной фуражки.

- Посмотри, - сказал он Аркадию, - желтый у меня язык?

- Желтый.

- Ну вот, расклеилась машина. Ничего! Поправимся.

Небольшая деревушка, где жили родители Базарова, расположилась на скате пологого холма.

- А вот и отец, - сказал Базаров, - услышал, знать, колокольчик. Эге, ге! Как он, однако, поседел, бедняга.

XX

На крылечке стоял высокий, худощавый человек, с взъерошенными волосами и тонким орлиным носом, одетый в старый военный сюртук. Он курил длинную трубку. Лошади остановились. Когда Базаров вылез из тарантаса, старик стал обнимать его... «Енюша, Енюша», - раздался трепещущий женский голос. На пороге показалась кругленькая, низенькая старушка в

белом чепце и короткой пестрой кофточке. Пухлые ее ручки обвилились вокруг шеи сына, голова прижалась к его груди, только слышались ее прерывистые всхлипывания.

- Ну, полно, полно, Ариша! перестань, - заговорил старик Базаров, а у самого губы и брови дергало, и подбородок трясся... но он крепился.

Весь барский домик, крытый соломой, состоял из шести крошечных комнат. Одна из них, та, в которую Василий Иванович привел гостей, называлась кабинетом. Здесь находился толстоногий стол, заваленный прокопченными бумагами; по стенам висели ружья, нагайки, сабля, географические карты, какие-то анатомические рисунки, чей-то портрет, вензель из волос в черной рамке и диплом под стеклом. Кожаный, кое-где продавленный и разорванный диван помещался между шкафами, забитыми книгами, коробочками, чучелами птиц и прочей мелочью. В одном углу стояла сломанная электрическая машина.

После простого, но довольно обильного обеда мужчины вышли в сад.

Когда Базаров начал зевать, Василий Иванович заметил:

- Я полагаю, пора путешественникам в объятия к Морфею.

- То есть пора спать! - подхватил Базаров.

Аркадия разместили в предбаннике, где пахло мятой и два сверчка вперебивку усыпительно трещали за печкой.

Василий Иванович, определив Аркадия, отправился в свой кабинет, где спал Базаров, и прикорнул на диване у него в ногах. Арина Власьевна, так звали

мать Базарова, помолилась всласть. Она была настоящая русская дворяночка, была набожна и чувствительна, верила во всевозможные приметы, гаданья, заговоры, сны; верила в юродивых, в домовых, в леших, в дурные встречи, в порчу, в народные лекарства, в четверговую соль, в скорый конец света и во многое еще. Арина Власьевна была добра

и по-своему неглупа. В молодости она была миловидна, играла на клавикордах, немного изъяснялась по-французски. Сына своего любила и боялась несказанно. Она постоянно ждала какого-то несчастья и плакала, когда вспоминала о чем-нибудь печальном.

XXI

Встав с постели, Аркадий раскрыл окно и увидел Василия Ивановича.

- Здравия желаем! Как почивать изволили? - воскликнул он.

- Прекрасно, - отвечал Аркадий.

- А я здесь вот грядку копаю. Выходит, Жан-Жак Руссо прав, каждый должен собственными руками доставать себе пропитание. Полчаса назад я был занят другим делом: одну бабу лечил от дизентерии, а второй зуб вырвал. Я это делаю бесплатно, как любитель.

Аркадий вышел к нему.

- Позвольте полюбопытствовать, - вы давно с моим Евгением знакомы?

- С нынешней зимы.

- И какого вы мнения о нем?

- Ваш сын - один из самых замечательных людей, с которыми я когда-либо встречался, - с живостью ответил Аркадий, - его ждет большое будущее, разумеется, не на медицинском поприще, хотя он и в этом отношении будет один из первых ученых. - Он продолжал говорить о Базарове с большим увлечением.

Во время всего рассказа восторженная улыбка не сходила с уст Василия Ивановича. Разговор прервался только с появлением Евгения.

В солнечный полдень Аркадий и Базаров лежали в тени большого стога сена на охапках сухой и душистой травы.

- Странное существо человек, - говорил Базаров, - как посмотришь эдак издали на глухую жизнь, какую ведут здесь «отцы», кажется: чего лучше? АН нет; тоска одолевает. Хочется с людьми возиться, хоть ругать их, да возиться с ними.

- Но, впрочем, я хочу вздремнуть, только ты не смотри на меня: всякого человека лицо глупо, когда он спит.

- А тебе разве не все равно, что о тебе подумают?

- Настоящий человек об этом не должен думать. Его надобно слушаться или ненавидеть.

- Это ты говоришь о самом себе? - перебил его Аркадий.

Базаров промолчал.

- Когда я встречу человека, который не спасовал бы передо мной, - проговорил он с расстановкой, - тогда я изменю мнение о самом себе. Да вот, ты сегодня сказал, что Россия тогда достигнет совершенства, когда у последнего мужика будет такая же изба, как у нашего старосты Филиппа, и всякий из нас должен этому способствовать. А я возненавидел мужика, для которого я должен из кожи лезть и который даже спасибо мне не скажет... да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?

- Полно, Евгений... послушать тебя сегодня, поневоле согласишься с теми, которые упрекают нас в отсутствии принципов.

- Да ты, я смотрю, готов пойти по стопам дяди. Как бы он порадовался, если б услышал тебя!

- Полно, Евгений, мы можем поссориться.

- Ах, Аркадий! сделай одолжение. Может, подеремся? Но ты со мной не сладишь.

Базаров растопырил длинные и жесткие пальцы... Аркадий как бы в шутку приготовился защищаться. Приход Василия Ивановича прервал их разговор.

На следующий день Базаров сказал Аркадию:

- Скучно здесь; работать хочется, а здесь нельзя. Отправлюсь опять к вам в деревню; я же там все препараты оставил.

- Очень уж мать огорчится, - промолвил Аркадий, - да и отец тоже.

- Як ним вернусь, когда в Петербург поеду.

Базаров с Аркадием уехали на следующий день. Когда их тарантас скрылся из виду, когда старички оказались одни, Василий Иванович опустился на стул и уронил голову на грудь. Арина Власьевна приблизилась к нему и, прислонив свою седую голову к его седой голове, сказала: «Что делать, Вася! Сын - отрезанный ломоть. Он что сокол: захотел - прилетел, захотел - улетел». Василий Иванович обнял свою жену, свою подругу: она утешила его в печали.

XXII

По дороге в Марьино приятели заехали на несколько часов в Никольское к Одинцовой, где их, очевидно, не ожидали. Хозяйка и слушала и говорила без улыбки. При прощании она сказала, что сейчас у нее хандра, и пригласила их приезжать через несколько времени.

В Марьино им все чрезвычайно обрадовались.

А между тем жизнь складывалась здесь не слишком красиво, и бедному Николаю Петровичу приходилось плохо. Хлопоты по ферме росли каждый день. Наемные рабочие работали плохо; лошади заболевали; сбруя горела как на огне; обе выписанные из Москвы молотилки не работали; половина скотного двора сгорела. Мужики не платили оброк в срок, крали лес, пасли своих лошадей на господских лугах. В деревне часто происходили ссоры, драки, разделы имущества. Нужно было разбирать враждующие стороны. Спелый хлеб некому было косить, и он осыпался; опекунский совет требовал немедленной уплаты процентов по ссуде.

Аркадий всячески делал вид, что готов помочь отцу, но все мысли его были о Никольском. Он попросил отца найти письма матери Одинцовой его покойной матери. Через десять дней он под предлогом изучения механизма воскресных школ уже скакал в город, а оттуда в Никольское. Тройка дружно мчалась. Увидев в аллее перед домом Катю, Аркадий выпрыгнул из экипажа и подошел к ней. «Это вы!» - промолвила она и понемножку вся покраснела. Когда Аркадий увидел Анну Сергеевну, то сказал:

- Я вам привез нечто такое, чего вы никак не ожидаете...

- Вы себя привезли; это лучше всего.

XXIII

Проводив Аркадия с насмешливым сожалением и дав ему понять, что он несколько не обманывается насчет настоящей цели его поездки, Базаров принялся лихорадочно работать. Он работал упорно и угрюмо... а между тем в доме Николая Петровича находилось существо, с которым он охотно беседовал... Это была Фенечка. Он встречался с ней большей частью по утрам рано, в саду или во дворе. Она несколько его не боялась и держалась при нем вольнее, чем при Николае Петровиче. Павла Петровича она с некоторых пор стала бояться еще больше. Он с неподвижным зорким лицом и руками в карманах стал появляться рядом с ней неожиданно. А служанка Дуняша часто вздыхала и думала о «бесчувственном» человеке. Базаров, сам того не подозревая, сделался жестоким тираном ее души.

Фенечке нравился Базаров; но и она ему нравилась. Однажды, часу в седьмом утра, Базаров застал ее в беседке. Возле нее лежал целый пук красных и белых роз.

Молодые люди разговорились.

- Это что у вас за книга? - спросила Фенечка.

- Это ученая книга, мудреная. Почитайте, - добавил Базаров, когда Фенечка взяла книгу, - у вас, когда вы читаете, кончик носика очень мило двигается.

Фенечка засмеялась и бросила книгу.

- Я люблю тоже, когда вы смеетесь, - промолвил Базаров. - Зачем бросать лекарскую книгу?

- А эта книга лекарская? Знаете, что ваши капельки для Мити ему очень помогли, уж как Митя спит хорошо. Как мне вас благодарить; такой вы добрый, право.

- А лекарям надо платить, - заметил с усмешкой Базаров, - только мне от вас не деньги нужны.

- Что же? - проговорила Фенечка.

- Одну из этих роз, красную и не очень большую.

- Вот, возьмите, - сказала она.

- Понюхайте, как славно пахнет роза, что вы мне дали.

Фенечка приблизила лицо к цветку.

- Пойдите, я хочу понюхать с вами, - промолвил Базаров, нагнулся и крепко поцеловал ее в раскрытые губы.

Она дрогнула, уперлась обеими руками в его грудь, но уперлась слабо, и он мог возобновить и продлить свой поцелуй.

Сухой кашель раздался за сиренями. Фенечка мгновенно отодвинулась на другой конец скамейки. Показался Павел Петрович и, сказав: «вы здесь», - удалился. «Грешно вам, Евгений Васильевич», - шепнула Фенечка, собрала цветы и ушла.

XXIV

Часа два спустя Павел Петрович зашел к Базарову с красивой тростью (он обыкновенно хаживал без трости).

- Я должен извиниться, что мешаю вам в ваших занятиях. Я пришел предложить вам один вопрос.

- Какой?

- Какое ваше мнение о поединках, о дуэли?

- С теоретической точки зрения, дуэль - нелепость; ну, а с практической точки зрения - это дело другое.

- Значит, на практике вы признаете дуэль. Очень хорошо-с. Я решил драться с вами. Я бы мог объяснить причину, но я предпочитаю умолчать о ней. Вы, на мой вкус, здесь лишний; я вас терпеть не могу, я вас презираю...

- Дальнейших объяснений не нужно, - сказал Базаров, - вам пришла фантазия испытать на мне свой рыцарский дух. Я бы мог отказать вам в этом удовольствии, да уж куда ни шло!

- Чувствительно вам обязан, - ответил Павел Петрович, - что вы не заставили прибегнуть меня к этой палке.

Драться договорились завтра утром в шесть часов за рощей на пистолетах, расстояние десять шагов. За отсутствием секундантов решили взять просто свидетеля - камердинера Петра.

«Фу ты, черт! как красиво и как глупо», - воскликнул Базаров, когда Павел Петрович ушел.

Утро на другой день выдалось славное, свежее; маленькие пестрые тучки стояли барашками на бледно-ясной лазури; мелкая роса высыпала на листьях и травах, блистала серебром на паутинках; влажная, темная земля, казалось, еще хранила румяный след зари; со всего неба сыпались песни жаворонков.

Базаров и Петр, который, узнав, в чем дело, сильно перепугался, пришли на место немного раньше. Чуть позже появился Павел Петрович с пистолетами.

Пока Павел Петрович заряжал принесенные им пистолеты, Базаров отметил барьеры.

Дуэлянты взяли оружие и разошлись по местам. Каждый отошел от своего барьера на десять шагов. По команде Павла Петровича стали сходитьсь. Петр отбежал далеко в сторону.

Базаров тихонько двинулся вперед, и Павел Петрович пошел на него, заложив левую руку в карман и постепенно поднимая дуло пистолета... «Он мне прямо в нос целит, - подумал Базаров, - и как щурится старательно, разбойник!» Что-то резкое зыкнуло около самого уха Базарова, и в то же мгновение раздался выстрел. «Слышал, стало быть, ничего», - успело мелькнуть у него в голове. Он ступил еще раз и, не целясь, подавил пружинку.

Павел Петрович дрогнул слегка и хватился рукою за ляжку. Струйка крови потекла по его белым панталонам.

Базаров бросил пистолет и приблизился к своему противнику.

- Вы ранены? Позвольте осмотреть вашу рану. Петр! поди сюда, Петр! куда ты спрятался?

Павел Петрович потерял сознание. Осмотрев рану, Базаров понял, что она пустячная. Кость цела, пуля прошла неглубоко насквозь, задев один мускул. Через три недели можно будет плясать.

- Убиты-с? - прошелестел за спиной Базарова тревожный голос Петра.

- Он еще нас с тобой переживет, - ответил Базаров и послал его за дрожками.

Прискакавший перепуганный Николай Петрович спросил брата:

- Да из-за чего же все вышло, ради бога?

- Господин Базаров непочтительно отозвался о сэре Роберте Пиле. Я его за это вызвал.

Весь дом переполошился. У Павла Петровича сделался жар. Николай Петрович входил к брату на цыпочках. Когда он в очередной раз наклонился над Павлом, тот промолвил:

- А не правда ли, Николай, в Фенечке есть что-то общее с княгиней Р...

Николай Петрович ничего не отвечал, а сам про себя подивился живучести старых чувств в человеке. «Вот когда всплыло», - подумал он.

Базаров уехал на следующий день, предварительно отпустив на волю всех своих лягушек, насекомых и птиц.

Однажды утром, когда Павел Петрович хорошо себя чувствовал, он после откровенного разговора с Фенечкой, принесшей ему чай, сказал брату:

- Женись на Фенечке... Она тебя любит, она - мать твоего сына.

Николай Петрович сильно удивился, услышав такие слова от Павла. Он бросился обнимать его.

- Прежде всего выздоравливай, а от нас не уйдет.

В Никольском Аркадий много времени проводил с Катей. Он теперь казался спокойнее, Катя оживленнее, смелее.

В саду в тени высокого ясеня они сидели и молчали; но именно в том, как они молчали, как они сидели рядом, сказывалось доверчивое сближение: каждый из них как будто и не думал о своем соседе, а втайне радовался его близости.

Разговор их был легок и приятен обоим. Они поговорили о Гейне, слегка поспорили о Базарове, а когда речь зашла об Анне Сергеевне, то Аркадий сказал:

- Вы одинаково умны; у вас столько же, если не больше, характера, как у ней...

- Не сравнивайте меня с сестрой, пожалуйста, - поспешно перебила Катя, - это для меня слишком невыгодно. Вы как будто забыли, что сестра и красавица, и умница, и...

- Катерина Сергеевна! - заговорил вдруг Аркадий. Вам это, вероятно, все равно; но знайте, что я вас не только на вашу сестру - ни на кого на свете не променяю.

Он встал и быстро пошел к дому, как бы испугавшись слов, сорвавшихся у него с языка. В своей комнате он увидел только что приехавшего и ожидавшего его Базарова, который рассказал ему о дуэли с Павлом Петровичем.

Одинцова пожелала повидаться с Базаровым и пригласила его через дворецкого. Войдя в гостиную и поздоровавшись, Базаров сказал:

- Анна Сергеевна, прежде всего я должен вас успокоить. Перед вами смертный, который сам давно опомнился и надеется, что и другие забыли его глупости.

- Кто старое помянет, тому глаз вон, - сказала она, - тем более, что, говоря по совести, и я согрешила тогда, если не кокетством, то чем-то другим. Одно слово: будемте приятелями по-прежнему. То был сон, не правда ли? А кто же сны помнит?

Беседа их продолжалась недолго.

XXVI

На другой день по приезде Базарова Катя сидела в саду на своей любимой скамье, а рядом с нею - опять Аркадий. Он упросил ее пойти с ним погулять.

- Катерина Сергеевна, - заговорил он, - вы заметили вчера, что я во многом изменился... я предвижу, что удивлю вас. Если б я мог надеяться...

Аркадий умолк, мимо кустов, заслонявших скамью, прошли Одинцова и Базаров. В разговоре они упомянули об Аркадии, причем Анна Сергеевна призналась, что стала чаще думать о нем.

Когда шаги удалились и слов нельзя было разобрать, Аркадий опять обратился к Кате:

- Катерина Сергеевна, - проговорил он дрожащим голосом и стиснув руки, - я люблю вас

навек и безвозвратно, и никого не люблю, кроме вас. Я хотел вам это сказать, узнать ваше мнение и просить вашей руки... Вы не отвечаете? Вы мне не верите? Неужели вы давно не убедились, что все другое исчезло без следа? Посмотрите на меня, скажите мне одно слово... Я люблю вас... я люблю вас... поверьте же мне!

Катя взглянула на Аркадия важным и светлым взглядом и, после долгого раздумья, едва улыбнувшись, промолвила:

-Да.

Он схватил ее руки и, задыхаясь от восторга, прижал их к своему сердцу. Он был счастлив.

На следующий день, рано поутру, Анна Сергеевна велела позвать Базарова и с принужденным смехом подала ему листок бумаги. Это было письмо от Аркадия: он в нем просил руки ее сестры. Базаров сказал, что партия во всех отношениях хорошая и что следует благословить молодых людей.

- Желаю вам окончить это дело самым приятным образом; а я издали порадуюсь. Я нахожу, что я уж и так слишком долго вращался в чуждой для меня сфере. Летучие рыбы некоторое время могут продержаться на воздухе, но вскоре должны шлепнуться в воду.

- Я убеждена, что мы не последний раз видимся, - сказала Анна Сергеевна.

- Чего на свете не бывает! - ответил Базаров и вышел.

- Так ты задумал гнездо себе свить? - говорил он в тот же день Аркадию, укладывая свой чемодан. - Что ж? дело хорошее.

- Зачем ты лукавишь и говоришь «дело хорошее», точно мне не известно твое мнение о браке?

- Эх, друг любезный! - проговорил Базаров, - видишь, в моем чемодане оказалось пустое место, и я кладу туда сено; так и в жизненном нашем чемодане. Для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не создан. В тебе нет ни дерзости, ни злости, а есть молодая смелость да молодой задор; для нашего дела это не годится. Ваш брат дальше благородного смирения или благородного негодования пойти не может. Вы не деретесь - и уж воображаете себя молодцами, - а мы драться хотим. Да что! Наша пыль тебе глаза выест, наша грязь тебя замарает! Ты славный малый; но ты все-таки мякенький, либеральный барич.

- Ты навсегда прощаешься со мною, Евгений, - печально проговорил Аркадий, - и у тебя нет других слов для меня?

- Есть у меня другие слова, только я их не выскажу, потому что это романтизм, - это значит: рассыропиться. А ты женись; да своим гнездом обзаведись, да наделай детей побольше. Умницы они будут потому, что вовремя родятся, не то что мы. Эге! я вижу, лошади готовы. Пора!

XXVII

Приезд сына очень обрадовал стариков Базаровых. Теперь они старались не надоедать ему и даже меньше стали показываться ему на глаза. Однако лихорадка работы у Евгения скоро соскочила и заменилась тоскливой скукой и глухим беспокойством. Странная усталость замечалась во всех его движениях. Он перестал гулять в одиночку и стал искать общества. Он пил чай в гостиной, ходил по огороду с Василием Ивановичем, помогал ему

принимать и лечить пациентов. Иногда он отправлялся на деревню и разговаривал с мужиками. Увы! умевший говорить с мужиками Базаров, этот самоуверенный Базаров, и не подозревал, что он в их глазах был все-таки чем-то вроде шута горохового...

Однажды Базаров спросил у отца, нет ли у него адского камня?

- Есть; на что тебе?

- Ранку прижечь. Я сегодня ездил в деревню, там тифозного мужика вскрывал и порезался.

Василий Иванович побледнел весь и ни слова не говоря принес камень.

- Как ты думаешь, Евгений, не прижечь ли нам ранку железом?

- Теперь по-настоящему уже ничего не нужно. Если я заразился, так уж теперь поздно.

Несколько дней Василий Иванович украдкой наблюдал за сыном, вид его ему все больше не нравился. Как-то за обедом он спросил у него:

- Отчего ты не ешь, Евгений?

- Не хочется, так и не ем. Арина Власьевна насторожилась.

- Не рассердись, пожалуйста, Евгений, - сказал Василий Иванович, - позволь у тебя пощупать пульс.

- Зачем? я и так скажу: у меня жар, голова болит и озноб был. Пойду прилягу, а вы пришлите мне липового чаю. Простудился, должно быть.

Василий Иванович вышел в соседнюю комнату и молча схватил себя за волосы.

Базаров уже не вставал в тот день и всю ночь провел в тяжелой, полузабывчивой дремоте. Василий Иванович неотлучно находился при сыне. Арина Власьевна не ложилась и, чуть отворив дверь, то и дело подходила послушать, «как дышит Енюша».

Когда Василий Иванович подал сыну воды и заодно пощупал его лоб, Базаров сказал:

- Старина, дело мое дрянное. Я заражен, и через несколько дней ты меня хоронить будешь.

Отец пошатнулся, словно кто по ногам его ударил.

- Бог с тобой! Евгений, ты простудился.

- Нет. Все признаки заражения, ты сам видишь. Я не ожидал, что так скоро умру. Вы оба с матерью должны воспользоваться тем, что в вас религия сильна. - Он отпил воды. - А я хочу попросить тебя об одной вещи... пошли нарочного к Одинцовой, Анне Сергеевне... Знаешь? (Василий Иванович кивнул.) Евгений, мол, Базаров кланяться велел и велел сказать, что умирает.

Василий Иванович вышел из кабинета, зашел в комнату к жене и упал на колени перед образами.

- Молись, Арина, молись! - простонал он. - Наш сын умирает.

Приехавший доктор, уездный лекарь, сказал Базарову о возможности выздоровления.

- А вам случалось видеть, что люди в моем положении не отправлялись на тот свет? - спросил Базаров и, схватив за ножку тяжелый стол, потряс его и сдвинул с места.

- Сила-то, сила, - промолвил он, - вся еще тут, а надо умирать!.. Да, поди попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицает.

Ночь была нехороша для Базарова... Жестокий жар его мучил. К утру ему полегчало. Он попросил, чтоб Арина Власьевна его причесала, поцеловал у ней руку и выпил два глотка чаю.

- Евгений, тебе сейчас лучше, - сказал Василий Иванович и опустился перед сыном на колени, - утешь нас с матерью, исполни долг христианина! причастись.

- Я не отказываюсь, если это может вас утешить. Только не сейчас. Я теперь спать хочу.

Послышался стук рессорного экипажа, Василий Иванович выбежал на крыльцо. Ливрейный лакей отворял дверцы кареты; дама под черным вуалем, в черной мантилье, выходила из нее...

- Я Одинцова, - промолвила она. - Евгений Васильевич жив? Я привезла доктора.

Полчаса спустя привезенный доктор, осмотрев больного, шепнул Одинцовой, что нечего и думать о выздоровлении.

Анна Сергеевна вошла в кабинет и остановилась у двери, до того поразило ее воспаленное лицо Базарова с устремленными на нее мутными глазами. Она просто испугалась каким-то холодным и томительным испугом; мысль, что она не то бы почувствовала, если бы точно его любила, - мгновенно сверкнула у ней в голове.

- Спасибо, - усиленно заговорил он, - я этого не ожидал. Это доброе дело. Вот мы еще раз увиделись, как вы обещали. Это по-царски. Говорят, цари тоже посещают умирающих.

- Евгений Васильевич, я надеюсь...

- Эх, Анна Сергеевна, станемте говорить правду. Со мной кончено. Попал под колесо. И выходит, что нечего думать о будущем. Старая штука смерть, а каждому внове. До сих пор не трушу... а там придет беспамятство, и фюить! (Он слабо махнул рукой.) Ну, что ж мне вам сказать... я любил вас! Это и прежде не имело никакого смысла, а теперь и подавно. Любовь - форма, а моя собственная форма уже разлагается. Скажу я лучше, что какая вы славная! И теперь вот вы стоите, такая красивая... Сядьте там... Не подходите ко мне: ведь моя болезнь заразительная.

Анна Сергеевна быстро перешла комнату и села на кресло возле дивана, на котором лежал Базаров.

- Великодушная! - шепнул он. - Ох, как близко, и какая молодая, свежая, чистая... в этой гадкой комнате!.. Ну, прощайте! Живите долго, это лучше всего, и пользуйтесь, пока время. Вы посмотрите, что за безобразное зрелище: червяк полураздавленный, а еще топорщится. И ведь тоже думал:

обломаю дел много, не умру, куда! задача есть, ведь я гигант! А теперь вся задача гиганта - как бы умереть прилично, хотя никому до этого дела нет... Все равно: вилять хвостом не стану.

Базаров умолк и стал ощупывать рукой свой стакан. Анна Сергеевна подала ему напиток, не снимая перчаток и боязливо дыша.

- Меня вы забудете, - начал он опять, - мертвый живому не товарищ. Отец вам будет говорить, мол, какого человека Россия теряет... Это чепуха; но не разуверяйте старика. Чем бы дитя ни тешилось... И мать приласкайте. Ведь таких людей, как они, в вашем большом свете днем с огнем не сыскать... Я нужен России... Нет, видно, не нужен. Да и кто нужен? Сапожник нужен, портной нужен, мясник... мясо продает... мясник... постойте, я путаюсь... Тут есть лес.

- Евгений Васильевич, я здесь... Он приподнялся.

- Прощайте, - проговорил он с внезапной силой, и глаза его блеснули последним блеском. - Прощайте... Послушайте... ведь я вас не поцеловал тогда... Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...

Анна Сергеевна приложила губами к его лбу.

- И довольно! - промолвил он и опустился на подушку. - Теперь... темнота... Анна Сергеевна тихо вышла.

- Он заснул, - сказала она встретившему ее Василию Ивановичу.

Базарову уже не суждено было просыпаться. К вечеру он впал в беспамятство, а на следующий день умер.

XXVIII

Прошло шесть месяцев: Стояла белая зима с жестокою тишиной безоблачных морозов, плотным, скрипучим снегом, розовым инеем на деревьях, бледно-изумрудным небом, шапками дыма над трубами, клубами пара из мгновенно раскрытых дверей, свежими, словно укушенными лицами людей и хлопотливым бегом продрогших лошадок. Январский день приближался к концу; вечерний холод еще сильнее стискивал недвижимый воздух, и быстро гасла кровавая заря. В окнах Марьинского дома зажигались огни.

Неделю тому назад, в небольшой приходской церкви, тихо и почти без свидетелей состоялись две свадьбы: Аркадия с Катей и Николая Петровича с Фенечкой. Сегодня Николай Петрович давал прощальный обед своему брату.

Павел Петрович облобызался со всеми, не исключая, разумеется, Мити; у Фенечки он, сверх того, поцеловал руку и, выпив бокал, промолвил с глубоким вздохом: «Будьте счастливы, друзья мои!»

Казалось бы, конец? Но, может быть, кто-нибудь пожелает узнать, что делает теперь каждое из выведенных нами лиц.

Анна Сергеевна вышла замуж, не по любви, но по убеждению за человека очень умного, с практическим смыслом, твердою волей. Он добрый и холодный как лед. Они живут в ладу и, пожалуй, доживут до счастья... пожалуй, до любви. Аркадий сделался рьяным хозяином, и «ферма» приносит солидный доход. Николай

Петрович был избран в мировые посредники и трудится изо всех сил, разъезжая по своему участку. У Катерины Сергеевны родился сын Коля, а Митя уже бегают молодцом и болтает речисто. Фенечка, Федосья

Николаевна, после мужа и Мити никого так не обожает, как свою невестку. Камердинер Петр весьма удачно женился на дочке богатого огородника.

Павел Петрович уехал за границу и остался на жительство в Дрездене, где знает больше с англичанами и с проезжими русскими. Он ничего русского не читает, но на письменном столе у него находится серебряная пепельница в виде мужицкого лаптя. Но жить ему тяжело... тяжелей, чем он сам подозревает... Стоит взглянуть на него в русской церкви, когда он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начнет почти незаметно креститься...

И Кукшина попала за границу. Теперь она изучает не естественные науки, но архитектуру, в которой, по ее словам, она открыла новые законы.

Ситников толчется в Петербурге и, по его уверениям, продолжает «дело» Базарова.

Есть небольшое сельское кладбище в одном из отдаленных уголков России. Как почти все наши кладбища, оно являет вид печальный: окружающие его канавы давно заросли; серые деревянные кресты поникли и гниют под своими когда-то крашенными крышами; каменные плиты все сдвинуты, словно кто-то их подталкивает снизу; два-три ошипанных деревца едва дают скудную тень; овцы безвозбранно ходят по могилам... Но между ними есть одна, до которой не касается человек, которую не топчет животное: одни птицы садятся на нее и поют на заре. Железная ограда ее окружает; две молодые елки посажены по обеим ее концам: Евгений Базаров похоронен в этой могиле. К ней, из недалекой дерегушки, часто приходят два уже дряхлые старичка - муж с женою. Поддерживая друг друга, идут они отяжелевшею походкой; приблизятся к ограде, припадут и станут на колени, и долго и горько плачут, и долго и внимательно смотрят на немой камень, под которым лежит их сын; поменяются коротким словом, пыль смахнут с камня да ветку елки поправят, и снова молятся, и не могут покинуть это место, откуда им как будто ближе до их сына, до воспоминаний о нем... Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всеильна? О нет!

Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...

Краткая хроника жизни и творчества И. С. Тургенева

1818, 28 октября

В Орле, в дворянской семье, родился Иван Сергеевич Тургенев. Детство провел в родовом имении матери Спасском-Лутовинове Орловской губернии.

1827-1829

Обучение в частном пансионе в Москве.

1833

Начало обучения в Московском университете.

1834

Перевод в Петербургский университет. Первый литературный опыт - подражательная романтическая поэма.

1836

Появляются в печати лирические стихи, поэмы.

1837

Окончание словесного отделения философского факультета Петербургского университета.

1838-1841

Слушание курса лекций в Берлинском университете.

1843

Сближение с Белинским. Знакомство с Полиной Виардо.

1852

Напечатаны 20 очерков из «Записок охотника». За статью-некролог о Гоголе, за антикрепостническую направленность «Записок охотника» сослан в Спасское-Лутовиново под присмотр полиции. Написал повесть «Муму».

1856

Выходит из печати роман «Рудин».

1857

Повесть «Ася».

1859

Роман «Дворянское гнездо».

1860

Роман «Накануне», повесть «Первая любовь ».

1862

Роман «Отцы и дети».

1867

Роман «Дым».

1876

Роман «Новь».

1877-1882

Стихотворения в прозе.

1880

Речь на открытии памятника А. С. Пушкину в Москве.

1883, 22 августа

Иван Сергеевич Тургенев умер близ Парижа в местечке Буживаль. Прах перевезен на родину и похоронен на Волковом кладбище в Петербурге.

История создания романа «Отцы и дети»

Замысел романа возникает у И. С. Тургенева в 1860 году в небольшом приморском городке Вентноре, в Англии. «...Дело было в августе месяце 1860 года, когда мне пришла в голову первая мысль «Отцов и детей»...» Это было трудное для писателя время. Только что произошел его разрыв с журналом «Современник». Поводом послужила статья Н. А. Добролюбова о романе «Накануне». И. С. Тургенев не принял содержащихся в ней революционных выводов. Причина же разрыва была глубже: неприятие революционных идей, «мужицкого демократизма Добролюбова и Чернышевского» и их намерений «звать Русь к топору». Роман «Отцы и дети» стал попыткой осмыслить характер и направление деятельности «новых людей», тип которых только еще начал зарождаться в русском обществе. «...В основании главной фигуры, Базарова, легла одна поразившая меня личность молодого провинциального врача. (Он умер незадолго до 1860 года.) В этом замечательном человеке воплотилось - на мои глаза - то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потом получило название нигилизма. Впечатление, произведенное на меня этой личностью, было очень сильно и в то же время не совсем ясно; я на первых порах, сам не мог хорошенько отдать себе в нем отчета - и напряженно прислушивался и приглядывался ко всему, что меня окружало, как бы желая проверить правдивость собственных ощущений. Меня смущал следующий факт: ни в одном произведении нашей литературы я даже намека не встречал на то, что

мне чудилось повсюду; поневоле возникало сомнение: уж не за призраком ли я гоняюсь?» - писал И. С. Тургенев в статье по поводу «Отцов и детей».

Работа над романом была продолжена в Париже. В сентябре 1860 года Тургенев пишет П. В. Анненкову: «Намерен работать изо всех сил. План моей новой повести готов до малейших подробностей - и я жажду за нее приняться. Что-то выйдет - не знаю, но Боткин, который находится здесь... весьма одобряет мысль, которая положена в основание. Хотелось бы кончить эту штуку к весне, к апрелю месяцу, и самому привезти ее в Россию».

В течение зимы написаны первые главы, но работа идет медленнее, чем предполагалось. В письмах этого времени постоянно звучат просьбы сообщать о новостях общественной жизни России, бурлящей накануне величайшего события в ее истории - отмены крепостного права. Чтобы получить возможность непосредственно познакомиться с проблемами современной русской действительности, И. С. Тургенев приезжает в Россию. Начатый до реформы 1861 года роман писатель заканчивает уже после нее в своем любимом Спасском. В письме тому же П. В. Анненкову он извещает об окончании романа: «Мой труд окончен наконец. 20 июля написал я блаженное последнее слово».

Осенью, по возвращении в Париж, И. С. Тургенев читает свой роман В. П. Боткину и К. К. Случевскому, чьим мнением он очень дорожил. Соглашаясь и споря с их суждениями, писатель, по его собственному выражению, «перепахивает» текст, вносит в него многочисленные изменения и поправки. «Кое-что исправил, дополнил, и в марте 1862 года «Отцы и дети» явились в «Русском вестнике» (И. С. Тургенев. «По поводу «Отцов и детей»).

Итак, через полтора года после возникновения замысла на страницах февральского номера журнала «Русский вестник» роман «Отцы и дети» увидел свет. И. С. Тургенев посвятил его В. Г. Белинскому.

Сюжет и композиция романа «Отцы и дети»

Уже само название «Отцы и дети» подсказывает, что он построен на антитезе. В романе большую роль играют споры героев, конфликты между персонажами, их мучительные размышления, напряженные диалоги. Сюжет строится на соединении прямого и последовательного повествования с жизнеописанием основных героев. Истории жизни персонажей нарушают течение романного повествования, уводят читателя в иные времена, возвращают к истокам происходящего в современности. Так, биография Павла Петровича Кирсанова прерывает общий ход повествования. Его жизнеописание даже стилистически чужеродно роману. Тургенев, рассказывая историю жизни Павла Петровича, намеренно приближается к стилю и образности романов 30-40-х годов XIX века (на это время выпадает молодость героя), воссоздает особый стиль романтического повествования, уводящего от реальной, приземленной повседневности.

В центре повествования фигура Базарова. Все сюжетные нити тянутся к нему. В романе нет ни одного сколько-нибудь значительного эпизода, в котором бы не участвовал Базаров. Из двадцати восьми глав он не появляется лишь в двух. Умирает Базаров, и кончается роман. Система действующих лиц выстроена так, что отношения героев с Базаровым раскрывают читателю их внутреннюю сущность, в то же время сопоставление каждого из них с Базаровым вносит какой-либо новый штрих в характер главного героя. Можно выстроить целую цепочку таких сопоставлений: Базаров - Павел Петрович, Базаров - Николай Петрович, Базаров - Аркадий, Базаров - Одинцова, Базаров - родители, Базаров - Ситников и Кукшина, Базаров - дворовые в Марьино, Базаров - мужики в его собственной деревне, Базаров - Фенечка и т. д. Но думается, главное сопоставление - это Базаров и автор. В романе Базаров оказывается крупнее, масштабнее любого из действующих лиц, и только сила таланта автора, его поклонение вечной истине и вечной красоте торжествуют над Базаровым. Тургенев противопоставляет Базарову не каких-либо героев или группу героев, а саму жизнь.

Чтобы осуществить эту задачу, И. С. Тургенев избирает весьма своеобразную композицию.

Он дважды проводит Базарова по кругу: Марьино (Кирсановы), Никольское (Одинцова), родительская деревенька. В итоге создается поразительный

эффект. В ту же обстановку, в схожие ситуации, к тем же людям во второй части романа приходит иной Базаров: страдающий, сомневающийся, мучительно переживающий любовную драму, пытающийся отгородиться от реальной сложности жизни своей нигилистической философией. Даже любимая наука теперь не приносит облегчения.

Вторая половина романа строится на разрушении прежних связей Базарова с другими героями. «Автор проводит своего героя по книге, последовательно устраивая ему экзамены во всех сферах жизни - дружбе, вражде, любви, семейных узах. И Базаров последовательно проваливается всюду. Черета этих экзаменов и составляет сюжет романа» (Вайль, А. Генис. «Формула жука»).

Постепенно Базаров остается в полном одиночестве, наедине со смертью, которую «попробуй отрицать», она сама «тебя отрицает». В эпилоге романа обнаруживается полная несостоятельность нигилизма Базарова перед вечным движением жизни и величественным спокойствием «равнодушной» природы.

Анализ текста

Последняя глава романа «Отцы и дети»

Почему И. С. Тургенев не завершил роман смертью Базарова, этой наиболее сильной в художественном отношении сценой? Ведь о главном герое сказано, казалось бы, все, для чего нужно было писателю создавать своеобразный эпилог - 28-ю главу?

Во-первых, внимательно приглядимся к ее композиции. Главу обрамляют два пейзажа. Открывает дивный, чисто русский, зимний: «Стояла белая зима с жестокою тишиной...» Звучит, как музыка, как бы предвещающая мелодичность и ритмический строй стихотворений в прозе. Второй пейзаж, завершающий главу и роман в целом, насквозь пронизан лиризмом и элегической печалью о быстротекущем времени, мыслью о всепримиряющей вечности, о бессмертной силе любви и о «жизни бесконечной».

Итак, треть текста эпилога занимают картины природы, которые, как обычно у Тургенева, гармонируют с чувствами и переживаниями героев или оттеняют их. Природа как бы становится главным действующим лицом в той нравственно-психологической коллизии, к которой приходят герои в эпилоге.

Через весь роман, то затихая, то нарастая, если иметь в виду тональность повествования, как бы споря между собой, звучат два мотива - иронический и лирический. На заключительных страницах романа лирические мотивы нарастают и достигают кульминации.

Перед тем как нарисовать небольшое сельское кладбище и одинокую могилу Базарова, Тургенев, то усиливая, то ослабляя иронию, рассказывает о дальнейшей судьбе героев: Одинцовой, которая доживет со своим мужем, «пожалуй, до счастья... пожалуй, до любви»; в том же ключе сообщается и о княжне Х...ой, забытой «всамый день ее смерти», и о Петре, совсем окоченевшем «от глупости и важности». «Немножко грустно и, в сущности, очень хорошо» описаны семейная идиллия Кирсановых - отца и сына - и счастливое материнство Фенечки и Катерины Сергеевны.

В рассказ о жизни Павла Петровича за границей врываются наряду с иронией грустные ноты, и внимательный читатель заметит не только серебряную пепельницу в виде мужицкого лаптя, но и его трагическое одиночество: «жить ему тяжело... тяжелей, чем он сам подозревает... Стоит взглянуть на него в русской церкви, когда, прислонясь в сторонке к стене, он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начнет почти незаметно креститься...»

Мягкий юмор, с которым повествует Тургенев о своих героях, сменяется резкой иронией и даже сарказмом, когда он пишет о дальнейшей судьбе «последователей Базарова» - Ситникове и Кукшиной. Здесь и в авторской речи сатирически звучит слово «ирония»: «Говорят его (Ситникова) кто-то недавно побил, но он в долгу не остался: в одной темной статейке, тиснутой

в одном темном журнальце, он намекнул, что побивший его - трус. Он называет это иронией...»

И вдруг интонация резко меняется. Торжественно, грустно и величественно рисует Тургенев могилу Базарова. Финал напоминает мощную, страстную музыку Бетховена. Автор словно с кем-то горячо спорит, страстно и напряженно размышляет о мяте леном человеке, на могилу которого он привел читателя, о его неутешных родителях: «Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна?..»

Повторы, восклицания, вопросы - все это передает драматизм раздумий автора, глубину и искренность его чувств. Так можно писать лишь о дорогом и очень близком человеке. Можно по-разному трактовать заключительные строки романа, но одно несомненно - Тургенев, прощаясь со своими героями, еще раз отчетливо выразил свое к ним отношение и подчеркнул основную идею романа, которую, на наш взгляд, наиболее точно уловил критик Н. Н. Страхов: «Как бы то ни было, Базаров все-таки побежден; побежден не лицами и не случайностями жизни, но самую идею этой жизни. Такая идеальная победа над ним возможна была только при условии, чтобы ему была отдана всевозможная справедливость... Иначе в самой победе не было бы силы и значения».

Критика о творчестве И. С. Тургенева

И. С. Тургенев

Хотел ли я обругать Базарова или его превознести? Я этого сам не знаю, ибо я не знаю, люблю ли я его или ненавижу! Вот тебе и тенденция! <...>

(Из письма А. А. Фету)

...Николай Петрович - это я, Огарев и тысячи других; Павел Петрович - Столыпин, Есаков, Россет, тоже наши современники. Они лучшие из дворян - и именно потому и выбраны мною, чтобы доказать их несостоятельность.

<...>

(Из письма К. К. Случевскому)

Не удивляюсь, впрочем, что Базаров остался для многих загадкой; я сам не могу хорошенько себе представить, как я его написал. Тут был - не смейтесь, пожалуйста - какой-то фатум, что-то сильнее самого автора, что-то независимое от него. Знаю одно: никакой предвзятой мысли, никакой тенденции во мне тогда не было; я писал наивно, словно сам дивясь тому, что у меня выходило. <.,.>

(Из письма М. Е. Салтыкову-Щедрину)

Д. И. Писарев

Новый роман Тургенева дает нам все то, чем мы привыкли наслаждаться в его произведениях. Художественная отделка безукоризненно хороша; характеры и положения, сцены и картины нарисованы так наглядно и в то же время так мягко, что самый отчаянный отрицатель искусства почувствует при чтении романа какое-то непонятное наслаждение, которого не объяснишь ни занимательностью рассказываемых событий, ни поразительной верностью основной идеи. <...>

Роман Тургенева, кроме своей художественной красоты, замечателен еще тем, что он шевелит ум, наводит на размышления, хотя сам по себе не разрешает никакого вопроса и даже освещает ярким светом не столько выводимые явления, сколько отношения автора к этим самым явлениям. <...>

...Надобно теперь проследить по возможности его (Базарова) историческое происхождение; надо показать, в каких отношениях находится Базаров к разным Онегиным, Печориным, Рудиным, Бельтовым и другим литературным типам, в которых, в прошлые десятилетия, молодое поколение узнавало черты своей умственной физиономии. <...>

...У Печориных есть воля без знания, у Рудиных - знание без воли; у Базаровых есть и знание и воля, мысль и дело сливаются в одно твердое целое. <...>

Не имея возможности показать нам, как живет и действует Базаров, Тургенев показал нам, как он умирает. Этого на первый раз довольно, чтобы составить мнение о силах Базарова, о тех силах, которых полное развитие могло обозначиться только жизнью, борьбою, действиями и результатами. <...>

Умереть так, как умер Базаров, - все равно что сделать великий подвиг. <...>

Описание смерти Базарова составляет лучшее место в романе Тургенева; я сомневаюсь даже, чтобы во всех произведениях нашего художника нашлось что-нибудь более замечательное. <...>

(Из статьи «Базаров»)

М. А. Антонович

О нравственном характере и нравственных качествах героя и говорить нечего; это не человек, а какое-то ужасное существо, просто дьявол, или, выражаясь более поэтически, асмодей. Он систематически ненавидит и преследует все, начиная от своих родителей, которых он терпеть не может, и оканчивая лягушками, которых он режет с беспощадной жестокостью. Никогда ни одно чувство не закрадывалось в его холодное сердце; не видно в

нем и следа какого-нибудь увлечения и страсти; самую ненависть он отпускает рассчитанно, по гранам. <...>

Вообще в художественном отношении роман совершенно неудовлетворителен, чтобы не сказать более из уважения к таланту г. Тургенева, к его прежним заслугам и к его многочисленным почитателям. Общей нити, общего действия, которое связывало бы все части романа, нет; все какие-то отдельные рапсодии. <...>

...отцам он отдает полное преимущество во всем и всегда старается возвысить их за счет детей. <...>

Роман есть не что иное, как беспощадная и тоже разрушительная критика молодого поколения. <...>

<...> Это показывает, что новое произведение г. Тургенева крайне неудовлетворительно в художественном отношении... в новом произведении г. Тургенева нет... психологического анализа... нет художественных изображений картин природы, которыми, действительно, нельзя было не залюбоваться... В «Отцах и детях» он скупится на описание, не обращает внимания на природу. <...>

<...> в романе, за исключением одной старушки, нет ни одного живого лица и живой души, а все только отвлеченные идеи и разные направления, олицетворенные и названные собственными именами. Главного своего героя и его приятелей он презирает и ненавидит от всей души. <...>

<...> (Базаров) не живая личность, а карикатура, чудовище с крошечной головой и гигантским ртом, с маленьким лицом и преобладающим носом, и притом карикатура самая злостная. <...> (Из статьи «Асмодей нашего времени»)

Н. Н. Страхов

Он представляет образец писателя, одаренного совершенной подвижностью и вместе глубокою чуткостью, глубокою любовью к современной ему жизни. <...>

Базаров умирает совершенным героем, и его смерть производит потрясающее впечатление.

До самого конца, до последней вспышки сознания, он не изменяет себе ни единым словом, ни единым признаком малодушия. Он сломлен, но не побежден. <...>

Написать роман с прогрессивным или ретроградным направлением еще вещь нетрудная. Тургенев же имел притязания и дерзость создать роман, имеющий всевозможные направления; поклонник вечной истины, вечной красоты, он имел гордую цель во временном указать на вечное и написал роман не прогрессивный и не ретроградный, а, так сказать, всегдашний. <...>

Выше Базарова - тот страх, та любовь, те слезы, которые он внушает. Выше Базарова - та сцена, по которой он проходит. Обаяние природы, прелесть искусства, женская любовь, любовь семейная, любовь родительская, даже религия, все это - живое, полное, могущественное - составляет фон, на котором рисуется Базаров. <...>

Не будем говорить здесь об описании природы, той русской природы, которую так трудно описывать и на описание которой Тургенев такой мастер. В новом романе он таков же, как и прежде. Небо, воздух, поля, деревья, даже лошади, даже цыплята, - все схвачено живописно и точно. <...>

Он изобразил жизнь под мертвящим влиянием теории; он дал нам живого человека, хотя этот человек, по-видимому, сам себя без остатка воплотил в отвлеченную формулу. <...>

Гоголь в своем «Ревизоре» говорил, что в нем есть одно честное лицо - смех; так точно об «Отцах и детях» можно сказать, что в них есть лицо, стоящее выше всех лиц и даже выше Базарова, - жизнь. <...>

(Из статьи «И. С. Тургенев. «Отцы и дети»)

П. В. Анненков

Собственно говоря, отцы и дети изображены в литературе нашей не одним романом, что было бы не под силу и такому таланту, как г. Тургенев, а двумя замечательными романами, принадлежащими двум разным художникам, ошибавшимся и касательно выводов, которые могут быть сделаны из основной идеи их произведений. Г-н Гончаров думал, что на смену Обломовых идет поколение Штольцев, между тем как настоящая смена явилась в образе Базарова; г. Тургенев думал противопоставить Базаровым великого и малого рода их менее развитых отцов и забыл, что истинный родоначальник всех Базаровых есть Обломов, уже давно показанный нашему обществу. <...>

(Из статьи «Базаров и Обломов»)

А. П. Чехов

Болезнь Базарова сделана так сильно, что я ослабел и было такое чувство, как будто я заразился от него. А конец Базарова? А старички? Это черт знает как сделано, просто гениально.

Вопросы и задания

После спора Базарова с Павлом Петровичем Николай Петрович Кирсанов вспоминает о своих разногласиях с матушкой. Внимательно перечитайте этот отрывок и подумайте, одинакова ли основа конфликта в обоих эпизодах? Вечен ли конфликт «отцов и детей»? Что лежит в основе отношений отцов и детей в романе: возрастные, социальные, психологические противоречия?

Расскажите о родителях Базарова. Какую роль они сыграли в развитии своего сына? Согласны ли вы с критиком Антоновичем, утверждавшим в статье «Асмодей нашего времени», что Базаров ненавидит своих родителей? Связан ли «домашний» конфликт в семье Базаровых с общим конфликтом романа? Почему роман кончается изображением родителей, скорбящих над могилой сына?

С какой целью введена в начало романа столь подробная предыстория старших Кирсановых: описание их родителей, юности героев? Рассказывая Базарову биографию своего дяди, Аркадий говорит, что Павел Петрович достоин «более сожаления, чем насмешки». Согласны ли вы с этим? Как к этому отнесся Базаров? Какова, по-вашему, позиция Тургенева?

Как вы оцениваете историю любви Павла Петровича? Как изображены чувства Николая Петровича, каким он раскрывается в любви? Как изображена Тургеневым любовь Аркадия и Кати?

Что влекло Аркадия к Базарову? Как вы оцениваете взаимоотношения этих героев? Произошел ли их разрыв? Как отнесся к этому Базаров? Прав ли он, утверждая, что Аркадий скоро утешится? /

С какой целью в романе описаны две дуэли героев: прямая и косвенная, словесная и физическая? Связаны ли они между собою? Какие события происходят между этими двумя поединками в романе? Кто побеждает в первой и какими героями приходят ко второй? Каково отношение автора к обеим сторонам в этих сценах?

Что привлекало Базарова в Одинцовой? Изменил ли он себе, полюбив ее? Кто, на ваш взгляд, более прав: Тургенев, писавший, что «Одинцова так же мало влюбляется в Аркадия, как в Базарова», или Писарев, утверждавший, что у нее был зародыш чувства к Базарову, но она не дала ему развиваться? Обоснуйте свое мнение и подтвердите его примерами из текста.

Как относился Базаров к женщинам до встречи с Одинцовой? Как выдерживает он испытание любовью? Прав ли Ф. М. Достоевский, увидевший в Базарове «признак великого сердца»?

Что общего в описании И. С. Тургеневым любви всех героев романа? Каково значение его рассуждений о любви в эпилоге? Прочитайте стихотворения в прозе И. С. Тургенева и сделайте вывод о понимании писателем места любви в жизни человека.

Как вы относитесь к утверждению Базарова, что «каждый человек сам себя воспитать должен»? Справедливо ли утверждение, что герои Тургенева «больше дети событий, чем отцы собственных поступков»?

Как И. С. Тургенев передает психологию своих героев? На примере нескольких эпизодов раскройте его принцип «тайной психологии». Почему в романе нет внутренних монологов? Сделайте вывод о своеобразии психологизма в романе И. С. Тургенева.

Проследите связь романа «Отцы и дети» с «Евгением Онегиным» А. С. Пушкина, «Героем нашего времени» М. Ю. Лермонтова и «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя по проблематике и образам, а также по способам раскрытия внутреннего мира героев.

Кого из героев романа вы видите наиболее явственно? Раскройте мастерство И. С. Тургенева в обрисовке внешности героев. Какую роль в романе играет описание автором костюмов героев, какие детали вам запомнились? Какие иллюстрации, изображающие героев романа, кажутся вам наиболее близкими по духу к произведению И. С. Тургенева?

Темы сочинений по творчеству И. С. Тургенева

Злободневное и вечное в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети».

Роль пейзажа в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети».

Любовь в жизни героев романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».

Роман «Отцы и дети» в русской критике. (С кем из критиков я спору и с кем соглашаюсь.)

Нужны ли Базаровы России?

Что делает Евгения Базарова героем своего времени?

Автор и его герой в романе «Отцы и дети».

Приемы раскрытия внутреннего мира героев в романе «Отцы и дети».

Евгений Базаров и Павел Петрович Кирсанов.

Евгений Базаров и Аркадий Кирсанов.

Базаров и родители.

Судьбы героев в эпилоге.

Базаров и герои предшествующей эпохи.

Женские характеры в романе «Отцы и дети».

Что я принимаю в Базарове и с чем я спорю.

«Преобразования необходимы, но как их исполнить, как приступить?»
(Коренной вопрос русской жизни на страницах романа И. С. Тургенева
«Отцы и дети».)

Композиционные приемы раскрытия образа Базарова.

Философия личности, отраженная в спорах героев романа «Отцы и дети».

Человек и природа на страницах романа «Отцы и дети».

Вопросы воспитания на страницах романа «Отцы и дети».

Мои любимые страницы романа «Отцы и дети».

«Личность... должна быть крепка, как скала, ибо на ней все строится...»

Базаров - «лицотрагическое». (Пороману И. С. Тургенева «Отцы и дети».)

«Всякий человек сам себя воспитать должен». (По произведениям
И.С.Тургенева и Н. Г. Чернышевского.)

Проблема отцов и детей в русской литературе.

Смысл названия романа «Отцы и дети».

«...Павел Петрович может быть назван Печориным маленьких размеров» (Д.
И. Писарев).

Поединки Базарова и Павла Петровича Кирсанова.

Могла ли сложиться счастливо жизнь Базарова и Одинцовой?

Роман «Отцы и дети» в моей читательской биографии.

«...Что за роскошь «Отцы и дети»! Просто хоть караул кричи...» (А П. Чехов).
(Художественное совершенство романа.)

Роль идеи в жизни и судьбе героев И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского.

Что устарело в романе «Отцы и дети» и что современно?

Русское дворянство в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети».

Природа, поэзия и музыка в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» как средство характеристики героев.

Роман «Отцы и дети» и стихотворения в прозе И. С. Тургенева. (Идейно-тематическое и художественное единство.)

Развернутые планы сочинений

Автор и его герои в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»

I. Вступление.

И. С. Тургенев - один из тех писателей, которых отличает необыкновенно тонкое и органичное слияние реалистически-конкретного эпического изображения с лиризмом. Все его критики единодушно отмечают «горячность чувства» в его произведениях. Он рассказывает о своих героях «как о людях, близких ему, выхватывает из груди их горячее чувство и с нежным участием, с болезненным трепетом следит за ними... сам страдает и радуется вместе с лицами, им созданными...» (Н. А. Добролюбов).

II. Основная часть.

1. По романам И. С. Тургенева можно изучать эпоху: так полно отразились в них идеи, события, люди современной ему эпохи. Вместе с тем перед читателем предстает сама личность автора, благородная, своеобразная, талантливая. «У Тургенева лиризм составляет внутреннюю сущность его художественного мироощущения... выражает его отношение к изображаемому. Лиризм органически входит в тургеневскую концепцию характеров, даже в изображение обстоятельств»(Н.И.Пруцков).

2. Отношение автора к героям более всего выражается при создании портрета. О внешности Павла Петровича Кирсанова говорится в «Отцах и детях» очень много. Но значит ли это, что автор любит этого героя, его выхоленностью, безукоризненным вкусом в одежде? Отнюдь. При его описаниях часто сквозит тонкая ироническая усмешка. Тургенев не забывает сказать о внешности Павла Петровича в самых, казалось бы, не подходящих для этого моментах. Например, в сцене болезни после дуэли. Ситуация драматическая, но целый ряд бытовых деталей, часто комических, снижают образ романтического страдальца, так что совершенно исчезает ощущение драматизма. Вряд ли автор стал бы так писать о духовно близком человеке.

3. Особенно ярко проявляются симпатии и антипатии автора при описании женских характеров. Простенькая, но искренняя и милая Фенечка неизменно вызывает его симпатию. Он любит ее движениями, походкой, улыбкой, даже не совсем правильной речью. Тургенева явно привлекают ее непосредственность, искренность, стыдливость. В совершенно иной манере дается зарисовка Евдоксии Кукшиной. Здесь нескрываемая (почти базаровская) насмешка и даже брезгливость. Ее неряшливый, растрепанный вид воспринимается как отражение ее нелепых, вздорных притязаний на роль «эманципе». Отдельные детали внешности просто отталкивают, карикатурны (обнаженная десна при смехе, побуревшие от табака пальцы). А вот на балу «безо всякой кринолины и в грязных перчатках, нос райской птицей в волосах» она просто беспомощно жалка: никто не приглашает ее танцевать, и она пытается изобразить, что это ей безразлично. В описании Анны Сергеевны Одинцовой совершенно другая авторская интонация. Писатель как бы сам подпадает под обаяние этой незаурядной женщины, ее спокойной красоты, «ласковой и мягкой силы». И даже в сцене сватовства Аркадия к Катерине Сергеевне, где женское самолюбие Одинцовой уязвлено, автор не позволяет себе и тени насмешки над ней.

4. Лиричность автора проявляется в описании внутренней жизни героев. Испытание героев любовью - излюбленная ситуация тургеневских романов. В описании этого необыкновенно поэтического, священного чувства Тургенев великий мастер. И всегда на этих страницах мы ощущаем присутствие самого автора, который следит за своими героями «с непонятым участием и болезненным трепетом».

5. Психологическое состояние героев изображается словно изнутри, с помощью внутренних монологов. Это придает повествованию лирическую приподнятость. Но так бывает только с героями, духовно близкими Тургеневу. «Николай Петрович - это я...» - скажет писатель в одном из своих писем. Сочувствием переживаниям этого персонажа пронизаны многие сцены, связанные с ним. Например, эпизод в саду, после столкновения Павла Петровича и Базарова. Воспоминания Николая Петровича рисуются на фоне трогательно прекрасного летнего вечера, который своей поэтической прелестью созвучен его тихой грусти. История его любви проста и даже банальна, но каким пониманием, сопереживанием автора окрашено повествование о ней! Язык этого описания, его интонация, лирический тон трогают до глубины души, и «ищущая, неопределенная, печальная тревога» не унимается не только в герое, но и в читателе.

6. До сих пор не утихают споры об отношении Тургенева к Базарову, хотя сам автор не раз высказывался по этому поводу уже после выхода романа в свет. Безусловно, Тургенев не мог сочувствовать Базарову в его нигилизме, особенно в отношении к природе, искусству, красоте. Но в описаниях Базарова (ни в портрете, ни в речи, ни в авторских характеристиках) нигде не встретим мы сарказма, иронии, карикатуры. Конечно, здесь нет той теплоты и участия, какие проявлял автор к тому же Николаю Петровичу. Но, несомненно, чувство Базарова к Одинцовой описано с огромной симпатией и ощущением внутреннего драматизма. В трагической ситуации неразделенной любви автор проявляет уважение к силе чувства, выдержке и благородству героя. Описание болезни и смерти Базарова дано в подлинно трагических тонах, с огромной художественной силой. Это лучшие страницы романа.

7. Вмешательство автора чувствуется в построении диалогов, в комментариях к речи героев. Авторские ремарки к высказываниям Павла Петровича, Аркадия показывают его слегка ироническое к ним отношение. Особенно язвительным становится авторский комментарий, когда он рисует Ситникова и Кукшину.

8. Есть в романе и прямые авторские высказывания: «Нигде время так не бежит, как в России: в тюрьме, говорят, оно бежит еще скорей». Это обобщение глубоких раздумий о русской действительности. Нередко эти размышления принимают форму вопроса, рассуждения вслух, что делает их особенно лиричными: «Неужели любовь, святая, преданная любовь не всеильна?..»

III. Заключение.

Подытоживая наблюдения над некоторыми способами проявления авторской позиции в романе «Отцы и дети», можно сделать вывод о том, что авторские оценки почти всех персонажей и оценки его главного героя во многом совпадают. Автор как бы попадает под влияние мятежной страстной и сильной личности Базарова. Но, как и с Аркадием, это длится непродолжительное время. Отдавая дань своему герою, Тургенев в главном, основополагающем противостоит Базарову. Он противопоставляет Базарову не каких-либо героев, а «жизнь человеческую, в самом широком ее значении», «природу во всей ее красоте». Заканчивается роман величественным гимном природе, как символу «вечных начал человеческой жизни... которые могут бесконечно изменять свои формы, но в сущности остаются неизменными».

Именно благодаря такой авторской позиции, тому, что Тургенев «...имел твердую цель во временном указать на вечное», роман не остался литературным памятником, а стал, по выражению Н. Н. Страхова, произведением «всегдашним».

«Николай Петрович - это я...»

(И. С. Тургенев)

I. Проблема отцовства - одна из важнейших проблем романа «Отцы и дети». В ней выражается идея преемственности развития всего человечества. Только осознание человеком своих корней, своей духовной связи с прошлым дает ему право надеяться на будущее. «Прошлое... связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого...» - думает один из героев А. П. Чехова. Смена поколений - процесс всегда сложный и небезболезненный. «Дети» принимают в наследство от «отцов» весь духовный опыт человечества. При этом обычно происходит некая переоценка ценностей, новое поколение часто не желает копировать опыт «отцов». Этот опыт переосмысливается. Бывают эпохи, когда это переосмысление происходит на основе уважения к принципам предков. Во времена же социальных потрясений результаты такой переоценки ценностей бывают трагичны. Резкий отказ от идеалов, жизненного уклада предшествующих поколений ведет к тому, что «рвется связь времен», и это оборачивается невосполнимыми утратами. В романе «Отцы и дети» такой отказ от опыта «отцов» воплощен в базаровском нигилизме.

II. Традиционно считается, что нигилисту Базарову в романе противопоставлен Павел Петрович Кирсанов. Ведь именно он яростно спорит с Базаровым, даже вызывает его на дуэль. Но если приглядеться внимательнее, можно заметить между ними гораздо больше сходства, чем различий. Оба они в итоге оказались одинокими, не оставив после себя наследников. По-настоящему опровергает нигилистическую теорию Базарова как неплодотворную скромный, деликатный и сердечный Николай Петрович Кирсанов. Он олицетворяет собой тип человека, в жизни которого самую важную роль играют традиции и проверенные веками установления жизни. Его личность и судьба не поражают своей романтичностью, оригинальностью, у него все, как у всех.

III. С первых же страниц романа Николай Петрович показан как примерный отец, стремящийся как можно лучше исполнить свой отцовский долг. Жизнь его обыденна, внешне неинтересна, но внутренне одухотворена, возле него покойно и уютно, от него исходит душевная теплота. Что дает ему силу не сломиться после смерти горячо любимой жены? Заботы о воспитании сына, заботы об имении, чтобы было что передать сыну по наследству. Житейские невзгоды не отняли у него свежесть чувства: он тонко чувствует природу,

зачитывается Пушкиным, любит музыку, играет на виолончели, живо интересуется всем, что происходит в мире, стремится не отстать от века.

IV. Жизненные силы в Николае Петровиче постоянно обновляются, так как он ощущает себя отцом, отвечающим за продолжение связи поколений. Усвоенные им традиции отцов и дедов создают некий незыблемый жизненный уклад, который он наполняет живым содержанием. Это так же старо и так же неисчерпаемо, как смена времен года, это залог вечного обновления жизни.

V. Николай Петрович истово исполняет свой отцовский долг. Доставив Аркадия в Петербургский университет, он остался с ним, сблизился с соучениками сына, читал книги, которыми увлекалась молодежь. Почему он это делает? Да потому, что Николая Петровича волнует духовное развитие сына. Он как бы заново переживает с сыном трудный путь становления личности, готовится достойно встретить грядущие трудности, чтобы не оттолкнуть Аркадия, не потерять с ним взаимопонимания, поддержать его, если понадобится.

VI. Николай Петрович немыслим вне семьи. Он умел быть прекрасным мужем своей Машеньке, стал мудрым и любящим отцом Аркадию. Его брат греется возле чужого маленького тихого счастья, в доме, где за любовью следует брак, где подрастают дети. Достоинство ведет себя Николай Петрович и в ситуации с Фенечкой. Поздняя его любовь к простой девушке кажется ему несовместимой с нравственными обязанностями перед сыном и братом-аристократом. Но он с радостью и облегчением исполняет свой долг - вступает с Фенечкой в законный брак, когда понимает, что их это не оскорбит.

VII. Такие люди, как Николай Петрович, не потрясатели основ, не «герои времени». Но именно они осуществляют связь поколений, связывают воедино прошлое и будущее. Они ведут естественную человеческую жизнь, в любую эпоху могут прожить достойно, сохранив здоровые корни, привив своим детям простые и мудрые жизненные понятия. И как бы страстно «герои» и «потрясатели» ни стремились бы перевернуть жизнь, как бы ни

отрицали духовное начало, вопреки им остается то, что вечно: природа, искусство, любовь, дети.

«Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева как итог его философских и художественных поисков

I. Стихотворения в прозе - итог размышлений великого художника о жизни, искусстве, литературе. В них нашли отражение почти все темы и мотивы творчества И. С. Тургенева, вновь осмысленные и пережитые писателем на склоне лет. По форме представляют своеобразные эссе - миниатюры, соединяющие философское осмысление жизненных фактов лирическим проникновением в духовную жизнь человека. Пушкинское определение «плод - ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» как нельзя более подходит к своеобразному и поэтическому содержанию «Стихотворений в прозе».

II. Печальные и светлые воспоминания о пролетевшей молодости, мысли о жизни и смерти, любви и доброте, чести и правде, совести и вере сливаются у писателя с потоком искренних человеческих чувств, вселяют глубокую надежду на лучшее будущее любимого отечества, прославляют «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык». В «Стихотворениях в прозе», как и в своих романах, автор ставит и решает самые сложные и разнообразные социальные, нравственные и эстетические проблемы.

III. Работа над «Стихотворениями в прозе» продолжалась с 1877 по 1882 год. И. С. Тургенев тщательно подбирал название для этого своеобразного художественного творения. Первоначально он озаглавил его «Посмертное», видимо, не имея намерения публиковать его при жизни. Затем возникло название «Senilia» («Стариковское»). И наконец в сентябре 1882 года Тургенев останавливается на названии «Стихотворения в прозе».

IV. Жанровая специфика этого произведения целиком отразилась в таком заголовке - с одной стороны, стихи, с другой - проза. Тургенев использовал в названии прием оксюморона. «Стихотворения в прозе», несомненно,

относятся к лирическому роду и, хотя в них нет рифмы и размера, по языку, мелодичности, композиционным особенностям выступают в виде самых настоящих стихотворений. От белых стихов их отличает отсутствие строчного размера и варьирующийся, изменяющийся ритм.

V. Изумительно красив и прозрачен язык «Стихотворений в прозе». В нем отчетливо проявляется идеал «соразмерностей прекрасных» (Баратынский), выработанный в пушкинскую эпоху. В то же время он поразительно современен. Здесь, как и во всем творчестве, Тургенев выступает как художник слова, у которого можно учиться образцовой речи.

VI. Изящны по форме и глубоки по смыслу многие словосочетания и фразы из «Стихотворений в прозе». В них как бы сконцентрированы его житейские наблюдения и раздумья. Не случайно многие из них стали крылатыми словами-афоризмами: «Только любовью держится и движется жизнь», «Любовь сильнее смерти и страха смерти» («Воробей»), «Житье дуракам между трусами» («Дурак»), «Бывают улыбки хуже слез» («Памяти Ю. Л. Вревской»), «Мы еще повоюем!» («Мы еще повоюем!»), «Как хороши, как свежи были розы» («Как хороши, как свежи были розы...») и т. д.

VII. «Стихотворения в прозе» называют лебединой песней И. С. Тургенева. В них много грусти, но грусти светлой, пленительной, пушкинской («печаль моя светла»). Многие стихи посвящены теме одинокой старости, болезни, смерти, однако не эти скорбно-элегические мотивы составляют основное художественное содержание этого необычного творения писателя. Наиболее яркие и художественно совершенные миниатюры пронизаны жизнеутверждающими, полными веры в человека нотами. Они воспевают вечное движение и обновление жизни, большие и маленькие человеческие радости, любовь, духовное величие и красоту, самоотвержение и милосердие. В них мы любим все то, что так восхищает в его романах и повестях.

Краткая библиография

Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике. Сборник статей. - Л., 1986.

Книга содержит статьи о романе, написанные известными литературными критиками XIX - начала XX в. Отражает напряженную полемику вокруг романа «Отцы и дети».

Вайль П., Генис А. Формула жука/Родная речь. - М., 1991.

Столкновение Базарова и Кирсановых рассматривается как отражение борьбы двух мировоззрений: научного и художественного.

Кулешов В. И. Этюды о русских писателях. Исследования и характеристики. - М., 1982.

О прототипах образа Базарова и истоках его нигилизма.

Лебедев Ю. В. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». - М., 1982.

Глубокое исследование художественного мира И. С. Тургенева.

Набоков В. В. Иван Тургенев (1818-1883) //Лекции по русской литературе. - М., 1996.

Отдельная глава лекции посвящена роману «Отцы и дети», в которой знаменитый писатель и популяризатор русской литературы анализирует композицию, систему образов и художественные особенности тургеневского романа.

Петров С.М. И.С. Тургенев. Творческий путь. М., 1979.

Обзор творческого пути писателя на основе анализа романов И. С. Тургенева. Исследование проблемы «отцов» и «детей» в романе.

Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев - художник слова. - М., 1980.

В книге раскрывается своеобразие тургеневского стиля: роль детали, особенности авторской речи, роль пейзажа, речевые характеристики героев, соединение лирической и иронической манеры повествования и т. д.